

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Где-то милая помнит о друге
Как ни долго, а будет ждать,
Чтоб в такие надежные руки
Своё девичье счастье отдать.

Степан Щипачёв

Глава первая

БЕСЕДА В ДОРОГЕ

1

Синяков возвратился с фронта в разгар войны по болезни.. Он подвернул ногу, да так, что сколько ни лечили, укрепить ее по-настоящему не смогли. Чуть неровность, неосторожный шаг – ступня свихивается, и опять лежи неделю, а то и больше. Сустав распухнет, и ступить невозможно – боль. Приехал он домой в такой день, что и себе оказался не рад. Ещё издали, с реки, он увидел сияющие окна своего пятистенка. Что это? Постояльцы, может быть, живут во всех комнатах? И в кухне свет. Видимо, постояльцы. Но когда стал подъезжать ближе и услышал топот и пьяные песни, все стало понятно – Анфиса веселится. В помятой шинелишке, в тяжелых кирзовых сапогах, с походным мешком за спиной он зашел прямо в горницу, не боясь нарушить Анфисино охряное благолепие. Да и она сама, видать, не особенно о нём теперь пеклась: сапоги и валенки пьяных собутыльников исшаркали и замызгали некогда шикарные полы. Кругом валялись окурки, пустые бутылки, хвосты селёдки. В пылу пирушки на Синякова не обратили внимания. Все были пьяны. Он поискал глазами супругу. Она сидела на сундуке в углу, приклонясь к какому-то обрюзгшему молодому человеку. Синяков подошел, остановился против этой пары и, когда жена мутными глазами уставилась на него, сказал:

– Здравствуй, женушка!

С Анфисы слетел хмель. Она охнула и непослушными пальцами стала застегивать ворот кофточки. Молодой человек бессмысленно моргал, не понимая, что случилось и кто такой этот солдат, напугавший Анфису.

– Весело живешь, благоверная, богато пируешь, – сказал Синяков ровным хрипловатым голосом, потом обвел взглядом продолжающих пировать гостей и громко крикнул:

– Ну-ка, очищайте горницу, хозяин отдохнуть желает...

Тут Анфисин молодой человек сообразил, кто такой солдат, тихо по-за столу ускользнул на кухню и, торопливо накинув пальто, исчез. Гости потрезвее тоже сочли за благо очистить место. Лишь один зело упившийся лежал головой на столе среди беспорядочно поваленной посуды и размазанного по скатерти студня. Он тихо постанывал. Другой, ещё не совсем потерявший способность держаться на стуле, продолжал горланить, нелепо кривляясь. Синяков взял его за ворот, вытолкнул в сени. На спящего махнул рукой. Хватился жены – её нет. Искал, искал – не нашел. У Анфисы недостало духу остаться с мужем наедине. Она не пришла и назавтра. Соседи рассказали Синякову, что такие вечеринки в его доме происходили частенько. Откуда понаезжали гости, шут их знает, то ли со станции, то ли из города. Мухи на помойку летят отовсюду.

Федор Иванович разыскал Анфису, скандалить с ней не стал, а только спросил:

– С кем же это ты гуляла, супруга?

Анфиса с перепугу лягнула:

– Да мы с Паранюшкой...

Фёдор мрачно усмехнулся:

– Две добрых подружки...

И вдруг щеки его побелели, скулы как-то выдались, он сказал таким голосом, от которого Анфиса вся съежилась:

– Вот что, бывшая моя жена, кончать надо. Живи, как хочешь, а я ухожу. Искать меня не смей...

Он натянул шинель, взял свой вещевой мешок, нахлобучил шапку, постоял. Анфиса выжидательно наострила нос. Синяков шагнул и почувствовал боль в ступне. Нога подвихнулась. Он, болезненно морщась, заковылял к двери. Каблуком царапало пол.

– Э! Теперь уж всё равно, не испортит мой каблук твоё былое великолепие, – процедил он сквозь зубы.

Когда дверь закрылась, Анфиса стала укладывать волосы в причёску. На губах её блуждала не то улыбка, не то гримаса. Казалось, Анфисе хотелось и смеяться и плакать одновременно.

2

Синякову предложили должность начальника лесопункта Сузём. Он согласился. В поселке он нашел только двух знакомых мужчин – старого мастера леса Ивана Ивановича да Ваську Белого. И в делянках, и на трассе, и в мастерских хозяйничали женщины.

Федор Иванович обошел свои новые «владения», покачал головой, сядясь в кабинете за рыжий стол, покрытый треснутым стеклом.

– Как же вы с планом-то управляетесь? – спросил он мастера.

– Да как? – Иван Иванович почесал в затылке. – Выполняем помаленьку. С бабами оно, конечно, хлопотно, да тянемся...

– Ну, ладно, дорогой подробно доложишь. Запрягай лошадь, в леспромхоз поедем.

Лесная дорога, разьеженная машинами, ухабиата, рыхла. Сани то раскатываются в сторону, то ползут с натугой, задевая вязками о ребро глубокой колеи. Лошадка временами пытается потрухтеть рысью, оглядываясь на кнутовище Ивана Ивановича, но скоро переходит на развалистый натужный шаг. Старик подремлет немножко, свистнет, и лошадка снова засеменит мухортными ногами, да недолго, опять лениво закачается, вытянув шею.

Синякову эта дорога знакома, сколько раз он ездил по ней в Сузём и обратно. Ёлки, под-

пирающие небо, со снежными панцирями на густых ветвях, хлипкие мосты, сторбившиеся над речушками. Из-под мостов идет чуть заметный парок. Там полыньи, черные, что смола. Встречаются редкие развилки: уходящие в сторону дороги разъезжены слабо, запорошены снегом.

Иван Иванович молчит, смотрит в сизо-белёсую дорожную даль, время от времени по-свистывает, а то, смежив веки, тихо чмокает губами. Спит ли, не спит ли, не поймешь. Синяков не хочет беспокоить его разговорами. И самому ему приятно помолчать, подумать о чём-нибудь дальнем-дальнем...

Неожиданно Иван Иванович крикнул, поправил шапку, сбившуюся от толчка саней, выпрямился и лихо взмахнул кнутом. Сани запрыгали веселее. Уловив недоумевающий взгляд Синякова, Иван Иванович сказал:

– Докладывать ты мне приказал, товарищ начальник. Так о чём, думаю, докладывать? Интересно тебе, как мы тут без мужиков? А так вот. Ежели на фронте горько, то и у нас, по-ди, не слаще. Ей-право...

Он уселся поудобнее лицом к Синякову.

– Оно, конечно, далеко от нас до фронта, а война, она, брат, не обошла, пушай и самый глухой угол. Понятно дело, пушки у нас в Сузёме не грохочут, мины не рвутся, а и нам всяко приходится. Главная у нас мужская сила – я, хромой, да Васька Белый. Ваську, вишь ты, на фронт не взяли, как он ни просился. Пешим ходил в район, в добровольцы определялся. Не взяли. На военкома, говорят, кричал, требовал, чтобы по телефону дали с областью переговорить. Ну, кто-то захотел подшутить над мужиком. Дали Ваське телефонную трубку и сказали, что его слушает областной военком. А телефон-то был соединен с соседней комнатой. Васька сразу же петухом, даже каблуками стукнул.

– Разрешите доложить, товарищ самый главный военком, это Васька Белый жалуется. На кого? Да на районного. Одна у него шпала, так уж не знаю, кто он по чину будет – комиссар али политрук, комбат али ротный – мне всё равно, не в этом дело. В чём? А в том, что он меня на войну не берет. Как, стрелять не умею? Из винтовки-то не приходилось, нет. Из дробовика стрелял. Ну, так и из винтовки научусь. Ты не смейся, товарищ самый главный военком, все наши сузёмские мужики воевать ушли, почему я один должен с бабами оставаться? Повестку пришлешь? Вот и спасибо, буду ждать. А затем до свиданья...

Сказывают, будто он после этого разговора заглянул в кабинет районного военкома, подмигнул ему.

– Не обессудь, товарищ районный, выговор за меня получишь. Будь здоров...

Дома Васька ждал повестки, ходил, как неприкаянный, вздыхал.

– Долго не шлет областной. Запарился, наверно, мужик. Мало ли дела-то у него нынче. А фашисты проклятущие всё прут и прут... Без меня там удержат ли их?

Женщины наши горько потешались над стариком.

– Без тебя, Василий, там всё дело пропало. Ты-то бы уж навел порядки...

Иван Иванович снял рукавицы, распустил наушники у шапки, связал у подбородка тесьмой, снова надел рукавицы.

– Да, Федор Иванович, сразу опустел в ту пору нац Сузём. В делянках не стало слышно мужского голоса. Женщина с топором, женщина с пилой, женщина и на тракторе. Лес, понятно дело, по-прежнему нужен стране. Лесозаготовки нарушить нельзя. Макора наша стала бригадиршей. Женские руки, сам понимаешь, им бы иглу белошвейную али кухонную кастрюлю, а тут берись за топор, бревна ворочай. Дело с непривычки не ладилось. Бывало, приду к ним лес принимать, помусолю карандаш, закрою тетрадку и, отойдя подале, плюну. При

них этого, понятно, не делал, зачем обижать, они ведь не виноваты. И всё-таки, что ни говори, лес заготавливаем, тихо-скудно, а штабеля на катище растут.

Иван Иванович намотал вожжи на передок, сунул кнут под сено и, отвернувшись от ветра к задку саней, стал свертывать сигарку. Его примеру последовал и Синяков. Пустив облако дыма, старый мастер поискал глазами лицо спутника и, удостоверившись, что тот готов слушать, продолжал:

– Вечерами в моей конторке и ныне женщин полно. Там у меня радиоприемник, и все хотят послушать. Нынче-то уж не так, а что было, когда наши отступали! Как услышишь, начинают тилинькать, аж сердце зайдет. Диктор говорит: «В последний час...» А тебе кажется, и впрямь последний час наступает. Идут, мол, тяжелые бои с превосходящими силами противника, наши войска, слышь, отходят на новые позиции, оставили один город, другой город... Никогда я в этих городах не бывал, а хоть ложись да помирай, как бабы голосом заревут, услышав о сдаче городов. Ведь небось каждая думает: «Не там ли мой?» Мутилось, поверишь ли, в глазах...

3

И все-таки война где-то там, далеко. В поселке тихо, будто и мирно совсем. Но вот и дальние лесные жители увидели её, проклятую. Стали в Сузём привозить беженцев из Ленинграда. Весь поселок выходил встречать подводы. Людей привозили больных, истощенных, многие не могли сами передвигаться. Женщины ахали, причитали и брали приезжих нарасхват: каждой хотелось приютить ленинградку. Макора тоже привела в свою комнату старушку, еле живую. Уложила в постель, укрыла потеплее, зарезала курицу и стала давать больной понемножку куриного бульона. Слышала, что сильно изголодавшихся нельзя сразу много кормить.

Когда новая Макорина квартирантка пришла в себя, она долго не могла понять, где находится. На стене ходики, сквозь окошко сосны видны. Постель мягкая, простыня чистая.

– Где я? – спросила больная.

– В Сузёме, бабушка, на лесопункте.

Лицо больной сморщилось.

– А я и не бабушка...

Макора смотрит, смотрит, а ведь та совсем не старуха, а девчонка. Что же она перенесла, милая, ежели её можно за старуху принять!

– Вы простите меня, в потемках не разглядела, – извинилась Макора.

– Что ж, разве вы виноваты, – чуть слышно ответила девушка. Она хотела поднять руку, видно, затем, чтобы смахнуть слезу, да силы не хватило. Макора полотенцем вытерла лицо девушки.

И что тут сказать? Как прибыли ленинградцы на лесопункт, работа в делянках пошла заметно лучше. Дивился Иван Иванович, глядя, как женщины, стиснув зубы, с остервенением дёргали пилу, будто она виновница всех бед, выпавших на долю людей.

Ленинградки постепенно пришли в себя. А чуть опамятовались, тоже не захотели сидеть сложа руки. Помогали хозяйкам по дому, хлопотали в столовой, мели и мыли в общежитиях. А затем пошли и в делянки. И грех и смех на них было смотреть, как робко они подходили к дереву, неумело взмахивали топором. А повалится дерево – с визгом отскакивали в сторону.

Макора пришла однажды в конторку за нарядом. Иван Иванович читал только что полученную важную бумагу и не обратил на нее внимания. Сидит, читает, шевеля губами, карандашиком подсчеты делает. Не сходятся подсчеты. Сдвинул он на лоб очки, кинул сердито

карандаш, чертыхнулся. Увидел Макору – стал рыться в столе, чтобы скрыть смущение.

– Чем расстроен, Иван Иванович? – спрашивает Макора.

– Чем, чем... Вот Егорки Бережного нет, тем и расстроен...

– Не его одного, многих нет, – чуть слышно произнесла Макора.

– Не его одного, правда... Да лучше его не найти лесоруба для этого задания.

– Какое задание?

Спохватился Иван Иванович, да поздно. Выходит, выдал военную тайну. Делать нечего, строго смотрит на Макору, говорит:

– Секретное задание, видишь ты, получено... Вот какое дело, Макорушка. Тебе-то уж ладно, скажу. Болванки ружейные приказано заготавливать. Для винтовочных лож, для автоматов... Березовые болванки, особого качества. Их только умелые лесорубы раньше заготавливали, специалисты. А где взять таких? Одному уж мне придется. А задание такое, что на три года одному-то хватит да и не справиться. Нога у меня «казенная», шут её дери...

Макора потеряла кончик полушалка и тихо, несмело говорит:

– Попробую и я, Иван Иванович...

– Ты?! – брови десятника так поднялись, что очки вылезли на самую лысину. Уставился он на Макору, смотрит и часто-часто мигает.

– А что, девка? – говорит он раздельно, – может, и толково ты баешь. Придется, видать, попробовать...

И будто оправдываясь, дополняет:

– Задание-то выполнять надо... Давай-ко поговорим...

Растолковал Иван Иванович Макоре, как надо искать в лесу пригодные берёзы, как вырубать, колоть и вытесывать ружейные болванки. Потом увел её в лес и на деле показал все тонкости этого хитростного ремесла.

Назавтра глядит Иван Иванович в окошко рано-рано: Макора в мужских штанах на лыжах пошла в лес. «Как-то у тебя, голубушка, получится? – думает старый мастер. – Не каждая береза пригодна для выделки ружейной болванки».

Макора вернулась домой, от усталости валясь с ног. А назавтра снова двинулась в поход. Всю неделю бродила на лыжах по лесным буеракам, а когда сказала, сколько заготовила, Иван Иванович только свистнул.

– Изведешься, – говорит, – ты вся, девка, и без толку. Отступишь лучше.

– Нет, не отступлюсь.

Макорина ленинградская гостя Маша стала замечать, что с хозяйкой происходит что-то необычное. Вся похудела, щеки запали, домой приходит поздно, еле живая. Спросить Маша стесняется, ещё не обжилась, чувствует себя чужой.

Прошли месяцы. Маша поправилась, стала изредка гулять по улице, начала помогать своим товаркам в уборке общежитий. Тогда она и узнала, чем занимается Макора. Все в поселке удивлялись Макориной дерзости. Знающему человеку незачем говорить, что не каждый мужик смог бы успешно промышлять ружейные болванки. А она, женщина, никогда и не выдавая, что это за болванка такая, не страшась, пошла по лесу и хоть со слезами, да научилась не бабьему ремеслу.

Маша-ленинградка слушала-слушала про болванку и спрашивает однажды:

– Макора Тихоновна, а их много вам надо, болванок этих?

– Мне бы ни одной не надо, – отшутилась Макора. – Заводы ружейные требуют...

На следующее утро Маша увязалась за Макорой. Сколько та ни уговаривала её не заниматься глупостями, побережь себя, Маша и слушать не хотела. Что делать, разыскали на

складе старые лыжи, пошли. Худенькая эта девчушка ещё недавно от ветра шаталась, а на ногу оказалась бойкой. Она бежала по суметам легко и быстро. На свежем воздухе раскраснелась вся, посвежела. И совсем не похожа на недавнюю старуху.

Но с топором у Маши не ладилось. Он казался ей тяжелым, топорище не по руке, береза очень тверда и свилевата. У одного дерева девушка провозилась полдня, так и не вырубил ни одной болванки. Макора дружески съехидничала, басню напомнила про сапожника да про пирожника. Маша зарыдала, что дитя. Макора растерялась, утешает. А Маша всхлипывает и говорит, будто она плачет не от насмешки, а от неспособности топор держать.

– Да надо ли вам его держать? Не всем же с топором, – говорит Макора.

– Нет, надо, – отвечает Маша. – Надо и всё...

Поели они после этого всухомятку, стали продолжать работу. Макора старалась не уходить очень далеко, посматривала на Машу и дивилась её упорству. Одержимая какая-то, в чём душа держится, тонкая, деликатная вся, а топором машет, будто и впрямь врага рушит. Напряжется, нос обострится, зубы сжаты...

Месяц прошел, два месяца прошли, у Машеньки загрубели ладони, и топор ладнее стал держаться в руке. Настала та пора, когда Макора предъявила к сдаче заготовленные болванки, и Иван Иванович не поверил своим глазам.

– Да ты, дева, когда успела столько? Больше моего...

– Не одна я, Иван Иванович, – созналась Макора.

– А с кем? Не с мишкой ли косолапым?..

Услышав имя Маши, мастер рассердился.

– Эко, шутить ты мастерица. Девка едва на ноги встала, а ты её в лес...

– Да она сама за мной увязалась. Я, говорит, скорее поправлюсь на лесном-то воздухе, – оправдывалась Макора.

Иван Иванович поискал в карманах очки, примотал ниточкой к уху, выписал квитанцию.

– А знаешь, Макора Тихоновна, – сказал он миролюбиво, – мы с тобой ошибку большую допускаем. Ей-право. Ты, например, научилась спецсортимент заготавливать, дюжишь. И эта тощенькая ленинградка, смотри-ка, тоже удивила... А чего удивляться? И другие, думаю, не хуже. Давай-ка посмотрим, нельзя ли из наших женок бригадку сколотить. Может, и осилим заданье-то...

Попримеряли, посудили, пришли к выводу, что надо попытаться. Макора собрала женщин. Объяснила им, что и как. Желающих нашлось много. Выбрали самых сильных и смекалистых. Остальные стали обижаться.

– А мы что, отрепи? Почему нас не берут?

– Бабоньки, нельзя же всех, – пришлось Макоре уговаривать женщин. – Вы не бездельничаете и так. Лес тоже нужен. Кто его будет заготавливать? Идите в делянки, обижаться не к чему.

Назавтра Макора и Маша вернулись из лесу расстроенными. Новая бригада за весь день заготовила даже меньше, нежели заготавливали они вдвоем. Иван Иванович слушает, а сам смеется и говорит:

– Эко дело! Забыли, как сами-то на первых порах из пяти берез одну болванку вытесывали? Обойдётся, научатся...

4

Лошадь неожиданно остановилась. Седоки только тут заметили, что уж стало темно. Над верхушками елей помигивали звезды. Путники не смогли сразу сообразить, куда их занесло.

Справа и слева торчала изгородь с пышными подушками снега на жердях и верхушках кольев. А путь лошади преграждал стог, початый, скособоченный. Лошадь мирно похрупывала пахучее сено, довольная неожиданной удачей.

– Куда это мы втесались, парнечок? А? – забеспокоился Иван Иванович, вылезая из саней и оглядывая окрестность. – Ишь, на Прилуковский сенокос нас, кажись, занесло. Смотри ты, верст полдесятка лишних отмахали. Экая незадача! Ну, ты! Добралась...

Он сердито схватил лошадь под уздцы, будто только она и была во всём виновата, не без усилия оторвал её от сена и, путаясь в сугробе, заворотил сани обратно. Лошадь поплелась неохотно, с сожалением оглядываясь на оставленный стог, мотая головой, будто укоряя: экие несознательные люди! Столько хорошего сена, а приходится оставлять...

Синяков почувствовал, что продрог, поднял воротник. Под скрип саней ему стало дрематься. Вспомнился почему-то Васька Белый. Вот он, кончив свою смену на посту у склада, передаёт ружьишко сменщику и идет в контору, строго спрашивает начальника лесопункта:

– Как сегодня план, товарищ Синяков?

Синяков отвечает тяжелым словом. Он видит, будто Васька крикает, светясь лицом.

Иван Иванович слегка подтыкает локтем своего спутника.

– Эк и горазд ты на слова, Федор Иванович...

Синяков во сне старается глубже зарыться в сено.

Глава вторая **ТРУДНЫЕ ГОДЫ**

1

Горит маленькая лампа на Макарином столе. В разрисованное морозом окно легонько постукивает лапчатой веткой сосна. Шум ветра доносится с улицы. На стене мирно тикают веселые ходики. Взгляни на них, Макора, уж поздно, пора на покой! Она склонилась над маленьким листочком, бережно расправляет сгибы на нём, читает-перечитывает, может быть, десятый раз. Шепчет Макора: «Спасибо тебе, Митюша, хоть ты утешаешь, находишь душевные слова. Как ты понимаешь всё, будто здесь, рядом со мной... Всё видишь и всё знаешь...» Слезы льются из глаз. Разве их удержишь?

Иногда соседки-солдатки завидуют Макоре: ей что! Одна голова не бедна, а бедна, так одна. Не страдает её сердце, не болит душа, как у них, солдаток, денно и ночью думающих о своих мужьях-фронтовиках. У Макары нет на фронте мужа, ей легко. А легче ли ей, знать бы вам, бабоньки. Трудно вам, если не получаете долго письма. А сколь труднее ей, когда она давно-давно не видала корявых строк на свернутом треугольнике листке. Где он? Что с ним? И поделиться горем она не может ни с кем. Смешно горевать о чужом муже! А та, законная жена, не горюет, нет. Не одна весть приходила из Сосновки о веселой жизни Парани. Будто ножом по сердцу резали эти вести. Ведь может быть и так, что письма-треугольнички потому не идут к Макоре, что они идут к той, законной. Будь так, Макора нашла бы в себе силы унять чувства, если б знала, что Параня верна мужу, страдает о нём, ждет его. А каково же знать, что та обманывает его, открыто насмехается над ним, гульбой и бесчинством позорит его имя...

2

Пришла Машенька, расстроенная, взволнованная.

– Макора Тихоновна, простите, я вам помешаю... Но знаете, не могу утерпеть. Иду по

улице, слышу в домишке детский крик. Остановилась, прислушалась – кричат неимоверно. Решила зайти. И вот трое их, старшему не больше шести, младшему – года три, сидят в темноте, в холоде, забрались на печку и воют. Спрашиваю, где мать. Говорят, из лесу не приходила ещё. Еда, что была оставлена с утра, давным-давно съедена, весь день ребята голодные. Шалили – разбили стекло в раме. Кое-как заткнули отверстие тряпьем, по комнате всё равно ходит ветер. И печка остыла, не греет. Неужели нельзя, Макора Тихоновна, детский садик оборудовать?

– Садик-то есть, да не вмещает всех.

– Дорогая Макора Тихоновна, давайте поищем возможности расширить садик или устроить новый. Посмотрели бы вы, сердце не выдерживает.

Макора встала, положила руки на Машины плечи.

– Хорошее у вас, Машенька, сердце. Оно и не должно выдерживать. Подумаем. Наверно, сумеем что-нибудь сообразить...

Маша успокоилась. Разделась, стала хлопотать у примуса. А сама всё рассказывала и рассказывала, у кого она сегодня побывала, с кем поговорила. Старушке помогла добиться пособия за пропавшего без вести сына, выпросила в магазине валенки для ребят солдаток: сидят дома, в школу не в чем ходить. Около столовой субботник устроила.

– Субботник? Что за субботник?

– Да занесло двор снегом, пройти невозможно. И никому дела нет. Помои выносят на крыльцо и прямо в сугробы выливают. Думаю, что же будет весной? А тут идет в столовую группа женщин. Вязнут в сугробах, смеются и поругиваются. Я говорю: «Товарищи, такой закон вышел: кто хочет пообедать, тот должен пятнадцать лопат снега со двора выкинуть. Давайте поработаем». Они отговариваются: «Лопат нет». Я заметила Дуню Петялину, знаю её, бойкая и общественная. «Слетай-ка, – говорю, – Евдокия, к завхозу за лопатами, а мы пока теми, что тут найдем». Заведующая столовой (видать, задело её за живое) вышла, благодарилась, оправдывалась. И нашим субботницам по лишней порции киселя на третье дала. Ничего, вкусный кисель...

Щебеча, Машенька вдруг заметила, что Макора, хотя и слушает, а вид у неё неважный, да, кажется, недавно и плакала. Маша оборвала щебет.

– У вас горе, Макора Тихоновна? Простите, а я так бесцеремонно.

– Что вы, Машенька! С вами всякое горе легче... Я не хочу от вас скрывать, вижу, что вы славная, светлая...

И Макора поведала о своих горестях и печалях, о неудачной своей любви... У Маши задрожали ресницы. Чтобы не разреветься, она стала с азартом накачивать примус. Потом, ставя на стол чашки, сказала:

– У всякого свое горе. Что только не наделала война! Вот так бы, думаешь, всё отдала, чтобы не было у людей печалей и тревог...

В этот вечер они говорили долго, до ночных петухов. Уже в постели Машенька грустно вздохнула.

– А я ведь, Макора Тихоновна, хотела музыкантшей стать. Училась в консерватории. Преподаватели поговаривали, что и задатки есть. Училась по классу фортепьяно... А пришлось вот играть топором...

Макора даже с кровати вскочила.

– Ты что же молчала до сих пор! Почему скрывала?

Маша растерялась, стала оправдываться:

– Я не скрывала... Просто не приходилось... Вы уж извините...

Макора затормошила её.

– Ну ладно, Машенька. Это ты меня прости, грубиянку, накричала на тебя. Но я от всего сердца...

3

У нас говорят: какова девка, такова ей и припевка. Прошло время, и в Сузёме все узнали Машеньку. Ребятишки встречают её веселыми криками: «Тётя Маша! Тетя Маша!» Взрослые уважительно кланяются, провожают улыбкой. Старухи щурят подслеповатые глаза, твердят: «Это, кажись, она идет, наша Пчелка...» Скоро ласковое имя Пчелка так пристало к девушке, что и в глаза её стали им величать. Она спервоначалу немножко обижалась, не понимая, зачем ей дали прозвище, а потом привыкла. Да и впрямь она была похожа на пчелку – маленькая, стройная, живая, вечно хлопочет, вечно трудится, всем пользу принести старается.

Макора радовалась, видя отношение людей к её юной подруге, всячески помогала девушке, поддерживала её. С устройством детского садика пришлось немало повозиться. Собрали женщин и решили оборудовать его своими силами. Что говорить, досталось и Пчелке, досталось и Макоре, несладко было и другим их товаркам. Вечер не в вечер, ночь не в ночь. Зато, когда в старом заброшенном бараке, отремонтированном, очищенном, побеленном зазвенели детские голоса и лица матерей повеселели, Машенька ходила светлая, возбужденная.

– Милая Макора Тихоновна, как хорошо-то!

У Макоры тоже пела душа, но она не без суровости покрикивала на шаловливых ребятишек и наставляла старушку няню:

– Ты, Петровна, построже с ними, не давай воли. А то они готовы всё перевернуть вверх дном.

Зашел в детсад и Синяков, походил, покрутил ус.

– Вы, товарищи женщины, толково придумали, – сказал он, будто выдал награду. – Придется благодарность в приказе объявить...

– Помогли бы, Федор Иванович, посуду достать, – окружили его женщины. Он довольно улыбался из-под усов.

– Скажу завхозу, чтобы позаботился.

Фишка-завхоз появился на лесопункте незаметно: как он стал завхозом, не помнят ни Иван Иванович, ни сам Синяков. Почему молодой и видный собой парень не на фронте, это казалось удивительным многим, иной раз его и спрашивали об этом. Он смеялся. Одним отвечал, что забронирован, другим заговорщически подмигивал: «Состою на спецучёте», третьим говорил, ухмыляясь: «Я не дурак, чтобы к фашисту под автоматную очередь идти...» Так и прижился, примелькался, интерес к нему охладел. Как-то Синяков вызвал его по поводу ремонта барачков. В тесный кабинет зашел представительный детина в ладно скроенной бекеше из желтой овчины, в белых поярковых валенках с блестящими калошами. На валенки нависали широкие разутюженные брюки. Завхоз сел на дощатый диванчик в углу кабинета, с достоинством заложил ногу на ногу, щелкнул портсигаром и стал ловко пускать к потолку ровные колечки дыма. Синяков посматривал на него, примеряясь в мыслях, как бы начать разговор, потому что разговор предстоял неприятный. Что-то знакомое показалось ему то ли в лице, то ли в повадках завхоза. Синяков, прищуря глаза, наблюдал. Вдруг он вспомнил. Этот молодой человек вот так же сидел на стуле и пускал кольца дыма к потолку в его, Синякова, горнице среди гостей в тот памятный день возвращения с фронта.

– Мы, кажется, с вами имели честь встречаться, – проговорил Синяков, и левый ус его задергался. Завхоз оживился, закивал головой.

– Как же, Федор Иванович! Мы с вами соседи. Ведь Фишка я, неужели не узнали?

Синяков развел руками.

– На-кося, какой вымахал... Не может быть, что ты тот Фишка-нетопырь, который от Мити Бережного бегал, будто заяц... А?

– Тот самый, – подтвердил завхоз. – Бегал, было время... Вы меня вызывали, начальник?

Они говорили о ремонте барачков. Синяков горячился, упрекал завхоза в бесхозяйственности, в отсутствии заботы о простых вещах, а сам в это время думал: «Ну и прохвостина, ведь ни разу в глаза не глянул. Чего он там нашел на стене? Уставился в одну точку...» Синяков невольно посмотрел в направлении взгляда завхоза. В стене зияла дыра от вывалившегося гвоздя. Не отводя от неё глаз, завхоз безучастно повторял:

– Так точно. Был грех. Слушаюсь, начальник!

4

Синяков спал по три часа в сутки. С воспаленными веками он ходил по поселку, покривая и распоряжаясь. В лесопункт прибывали сезонники, их всех надо было принять, разместить, распределить по лесосекам. А вечерами начальник лесопункта не отпускал от уха телефонной трубки: то передает дневную сводку, то разговаривает с начальством, то звонит по сельсоветам и до поту кричит, чтобы немедленно направляли людей, не затягивали ни на единую минуту. А ещё позднее приходят мастера, бригадиры, приносят сведения. Дело вроде налаживается, радуется душа начальника – график пошел в гору, и, если поднажать, можно даже надеяться и на выполнение плана, чего давно уж не бывало.

Старые бараки все переполнены, а люди прибывают и прибывают. Всё больше женщины. Галдят, суетятся, ссорятся – ничего, уживутся как-нибудь. Был бы народ, а дело постепенно пойдёт. Как-то после полудня в окно постучал Васька Белый.

– Товарищ начальник, тебя Ваня-мастер зовет.

– Какой еще Ваня-мастер?

– Ну, Иван Иванович, неуж не знаешь? Говорит мне: «Пулей, Васька, лети, дело-то срочное, всё равно будто военное. По ихнему-то, по-фронтовому, чепе называется. Меня хоть и не взял военком, обманул, едри его корень, да я маленько-то смыслю, как чего по-фронтовому называется...»

– Да что случилось-то? Болтаешь зря...

– И вовсе не болтаю, спроси кого хочешь, все скажут, что я даже устав нутряной службы, почитай, наизусть выучил. Боевой устав пехоты, было, начал зубрить, да очки сломались, надо бы склеить стеклышки-то. У тебя, Синяков, нету клею для стекольного склеивания?

– Нет у меня клею. А ты говори, в чём там дело.

– Дело-то? А в чём, видишь ли... Баба тут приехала одна, сезонница, с ребятами...

– С какими с ребятами?

– Да со своими. Двое у неё, один-то уж годиков четырех, а другому и двух нет...

– Что ещё за фокусы!

Синяков крупным шагом двинулся к поселку. Завидя его, встречные улыбались, а миновав, прыскали. Новость распространилась уже по всему поселку: «Ребятишек на лесозаготовку повезли...» Васька Белый, семена за Синяковым, пытался, забежав сбоку, что-то ему толковать, но тот отмахивался, и Васька делал обиженное лицо.

У входа в барак толпились женщины, стрекотали. При виде Синякова примолкли.

– Что у вас там? – спросил начальник.

– Семейства прибавилось...

– Уж и малышня в лес поехала.

– Скоро и грудные младенцы, наверно, будут кубики давать...

В бараке на топчане важно восседали, болтая голыми ногами, двое малышей, похожих один на другого, с носами картофелиной. Мать суетилась около них, перебирала какие-то тряпки, чего-то укладывала, другое развешивала.

– Здравствуйте, мамаша! – сказал Синяков.

Она от неожиданности охнула, обернулась.

– Здравствуйте...

И смутилась.

– Извините уж меня. Я тут со своими «мужиками»... Подвинься-ка, Мишенька, дай место дяде сесть...

Мальчик послушно подвинулся по топчану. Синяков постоял в нерешительности, потом сел.

– Ну, давай знакомиться, приятель. Тебя, значит, Михайлом, величают. А тебя?

– Меня Владиком...

– Привет Владик, – Синяков протянул ладонь. Малыш со всей серьезностью положил на неё свою ручонку.

– Вот и добро, теперь знакомы будем. Вы что, лес заготовлять приехали?

– Мама будет заготовлять, а мы будем жить, – ответил Миша.

– А у меня будут кубики, – добавил Владик.

– Толковые мужики, – засмеялся Синяков и, обращаясь к матери, спросил:

– А у вас что – дома не с кем их оставить?

– Да кабы было с кем...

– Весёленькое дельце! Что, Иван Иванович, делать-то будем?

Мастер стоял в сторонке, молчал с видом полного недоумения. На вопрос начальника он только повёл плечом, дескать, моё дело десятое, я мастер леса, а не нянька. Синяков подошел к нему, сказал тихо.

– Вот что, надо попросить Макору Тихоновну, чтобы их в садик устроила. И придется поискать, нет ли где отдельной комнатки, не жить же им тут, в общем бараке...

5

В старых мужних шапках, в заношенных до дыр полушалках, в пестрядинных сарафанах старинного домашнего тканья, уже видавших виды, в ватниках, будто в гофрированных латах, бродили они в делянках по пояс в снегу, скопом кидались к упавшей лесине и терзали её сучья с яростью неумной, накатывали бревна на сани то с песнями, то с плачем, разводили костры и у огонька судачили, перемывая косточки дальним и ближним. Поселковых женщин, знакомых с лесным производством, пришлось поставить бригадирами, а некоторых и мастерами. Даже Машенька нашла себе дело в делянке: она стала раскряжёвщицей, потому что, как утверждает Иван Иванович, во время своего болваночного промысла она дотошно проштудировала инструкцию и нынче знает сортаменты, почитай, лучше всех в Сузёме. Показывая, как разделявать поваленное дерево, Иван Иванович не без удовольствия спрашивал Машеньку:

– Марья, скажи-кось, из этой лесины пропса выйдет? Правильно, а рудстойка? Из вершины, тоже правильно. А ну, пометь, где тут пиловочник... Добро... Вот, девоньки, так и надо. Лесину разрезать не всё равно как, а с умом, с толком. К примеру, так же, как вы дома сарафан себе кроите, – чтобы и в аккурат получился, и чтобы обрезков меньше осталось. По-

нятно вам? Ну дак и ладно. Ты, Марьюшка, на примере им чаще показывай, понятственнее будет...

Женщины постигали эту лесную премудрость, иные с охотой и жаром, иные со смешком да ухмылкой, но так или иначе в лесу работа кипела, стоял такой гам, что, если и водились в трущобах волки, они поспешили убраться подальше от греха. Вечером женщины приходили в бараки усталые, казалось, им больше ничего не надо, только бы добраться до топчана. А отдохнут с полчаса, и уж неохота заваливаться спать. Вечера зимние длинные, а делом заняться в бараке не так-то просто: на иной барак всего только одна, коптилка, тут тебе не до шитья, не до вязанья, заплату на порванный рукав и то с трудом притачаешь. Вот и сидят, скучают от безделья, тешат душеньку бабьими житейскими разговорами да сплетнями. Всякое бывает.

Пчёлке дома не сидится, она по баракам ходит, в бабьи разговоры встречается, бабьи докучки выслушивает. А приходит домой – восхищается.

– Какие женщины! Вы бы знали, Макора Тихоновна, какие женщины! Иные мужей потеряли, дома у них всё рушится, заваливается, а ведь в лесосеку едут без слова, понимают: это нужно для победы. А похвали её или, того хуже, посочувствуй, обидится, пожалуй...

Макора улыбается.

– Вот как тебе наши женщины понравились... На то они и северянки. Вот только ростом чуть коротковаты, ну, да это не велик порок...

– Вечера бы у них, Макора Тихоновна, чем-то занять. Хоть читки, что ли, устраивать?..

В одну из таких бесед и возникла у Машеньки мысль организовать в поселке клуб. Макора подхватила её.

Собрали женщин. Макора обратилась к ним со странным вопросом:

– Бабоньки, где мы с вами живём?

Женщины удивились столь наивному вопросу.

– Известно где, в лесу.

– То-то и дело, как в лесу, – поправила Макора. – Знаем лишь делянку да теплую печку. Посплетничать в бараке – только и удовольствий. Хоть у колодца бы встретиться, да и колодца-то нет. А что, если нам клуб свой устроить?

– Клуб?

– Ещё скажи: театр.

– Может, цирк сварганить, бабы?

Нашлись женщины, не забывшие клуба в старом ярмарочном амбаре на Погосте.

– Тебе, Макора Тихоновна, попредставляться захотелось? Смотри, чтобы топором не зарубили, как тот раз Митя Бережной...

Девчата табуном около Макоры.

– Верно, верно, надо клуб. Сезон длинен, хоть попляшем, потопаем вечерами, и то занятие. Начинайте, Макора Тихоновна, мы всё поможем.

Нашлась поддержка и среди пожилых женщин.

– А что, девоньки, клуб-то бы и не мешал...

– Хоть на люди порой выйдешь...

Макора дала наговориться всем. Потом сообщила:

– У нас и музыканты есть. Вы и не знаете, что наша Пчелка в консерватории училась...

И пришла очередь ещё одному бараку, доживавшему свой век, преобразиться. Скопом его чинили, скопом белили, скопом мыли и чистили. А когда первый раз собрались в клубе да запели протяжные и голосистые старинные северные песни, многим пришлось приклады-

вать конец полушалка к глазам.

6

Васька Белый, едучи с Погоста, всю дорогу разъяснял встречным, что он такое везёт.

– Не гроб ли у тебя, Василий? – спрашивали встречные, будто сговорясь.

– Эко дурень! Гроб... То ящик с музыкой. Пьяниной называется. Соображать надо. Человек трезвый не запоет. Верно? А пьяный – он тебе на все лады. Бывало Харламка говаривал (где-то он нынче, бедолага, в тюрьме нешто распевает), любая молитва поётся на восемь разных голосов. Вот и этот ящик – сто голосов у него и сто подголосков, потому и пьяником называется. Чуешь дело? Пчелка наша как заведет ящик, тут, брат, выносись, всякого радия громче и веселее. Она, не смотри что такая тощенькая, играть на музыке горазда. В Ленинграде она, говорят, училась. На консервных банках, что ли, выколачивала музыку. Так сказывали, мне что, я со слов передаю...

– На консервных банках музыка? Скажешь тоже.

– А что? Тут и фокус весь. Попробуй-ка ты сыграй. А она, оказывается, играет. Да ещё как!

– Ты, Вася, слышал звон, да не знаешь, что означает он. Она училась в консерватории, училище такое музыкальное...

– Я то и говорю, училище, на консервах, что ли...

Васька вез пианино бережно, на раскатах поддерживал сани за передок, под гору сводил лошадь под уздцы. Он знал, каких трудов стоило Макаре заполучить этот диковинный ящик. Его в свое время конфисковали у купчихи Волчанкиной, свезли на склад коопсоюза, и там он стоял, забытый всеми и никому не нужный. А когда Макора добралась до него, оказалось, что черный этот ящик числится на балансе и коопсоюзное начальство ни за что не хочет его отдавать. Была Макора в районе, писала в область – без пользы. Хлопотал рабочком, хлопотали комсомольцы – не помогло. Тогда Макора послала Ваську Белого:

– Поезжай на коопсоюзский склад. Знаешь его? Забери там пианино, скажи, председатель велел. Понял? Так и сделай.

Ваську Белого учить не надо. Он приехал ко складу, потребовал пианино. Кладовщик удивился, кому это барахло понадобилось.

– Вон стоит в углу под рогожками, только место занимает. Надо, так добывай.

Ваську Белого на мякине не проведёшь. Он делает суровое лицо и говорит сердито:

– Ты шутики не шути, кладовщик. Сам председатель приказал, чтобы из склада вынесли и на сани поставили. Я, конечно, тоже помогу.

Кладовщик видит, делать нечего, приходится подчиняться. Человек строгий, не было бы худо. Кликнул грузчиков. С трудом вытащили пианино из груды мусора, взгромоздили на сани.

– Спасибо, хороший человек. Доложу директору, премию получишь, – обрадовал Васька кладовщика и уехал.

Об исчезнувшем пианино вспомнили в конце года, во время инвентаризации склада. Кладовщик только хлопал глазами.

– Приказ председателя был, я и отдал...

Шуму и канители этот случай навел немало. Но шум улегся, кооператоры удовлетворились перечислением стоимости, а пианино осталось в Сузёмском клубе. И когда Васька Белый слышал приятные звуки музыки, он расплывался в улыбке.

– Чуете? На моём ящике играют, на консервном, ишь, как усладительно...

Глава третья
ВЕТЕРОК В ГЛАЗА

1

Война шла к концу. Повеселели лица людей. Невзгоды и тяготы военной поры переносились легче. Синяков сменил свою фронттовую шинелишку на добротную овчинную бекешу, и лесорубы шутили, что нынче он хоть стал похож на начальника, а то ходил замурзанный, помятый, самый последний рядовой, и подчиняться-то такому не хотелось. Лесу стране стало требоваться теперь всё больше и больше, задания из квартала в квартал прибавляли, и спокойного дня у Синякова не было. Приходилось требовать и требовать увеличения количества людей. Ведь в делянках преобладал ручной труд, вывозили лес преимущественно на лошадях да на истрепанных, чудом не рассыпающихся в ухабах газогенераторных машинах. Синяков, было, пытался заняться техникой – электропилами, тракторами, автомобилями, – да ничего у него не вышло: без квалификации за технику братья пустое дело, а где их взять, квалифицированных механизаторов? Дедушкина пила надежнее, любой подросток её дёргать умеет, а не умеет, так за день научится. Лошадка не подведет, запасных частей не требует, возит-возит лесок и благополучно обходится без текущего ремонта. Поэтому больше людей, больше лошадей – план будет. Эта простая истина сама собой внедрилась в сознание и заставляла Синякова неотступно звонить по телефону в сельсоветы, в райисполком, в леспромхоз. И он звонил, требуя людей, людей, людей. Председатель райисполкома оборонялся от его настояний шуткой:

– Да ты, Синяков, оборудуй инкубатор там у себя в Сузёме, выпаривай лесорубов, сколько тебе потребно, а у нас инкубатора нет. Учти.

Впрочем, председателева шутка мало действовала на Синякова, он был верен себе. И то сказать, привычка – не старая рубаха, её легко не сбросишь с плеча. Новой техники начальник попросту боялся. Лесорубы подтрунивали над ним: «Для нашего Синякова аншпуг¹ – первейший механизм».

2

И Миша и особенно, Владик были очень довольны детским садом. Никогда они за всю свою короткую жизнь не ели так сытно и вкусно, как в садике, никогда они не видели столько игрушек и таких красивых, как тут. Детям военной поры, им всё это казалось верхом роскоши, и они наперебой каждый день рассказывали маме о новых играх, которым научились в садике, о новых игрушках, которые сами мастерили из обрезков бумаги, из палочек и дощечек, о новых передничках, красивых-красивых, которые надели вчера на всех ребятишек перед обедом. А Владик, тот всё гордился тем, что над вешалкой для его пальтишка наклеена картинка, а на картинке маленькая птичка, и она называется весело – колибри.

Вера Никитишна украдкой смахивала слезу, слушая щебет своих несмышленьшей. Пусть радуются, пусть дольше не знают, что они сироты, сыновья погибшего на войне солдата. Работала она не жалея сил, не убегая от самого тяжелого труда. Ещё молодая, она выглядела старше своих лет: лицо огрубело от морозного ветра, а что касается фигуры, то в лесорубческой одежде какая уж фигура у женщины. Да и не думала об этих вещах Вера Никитишна. Ушла безвозвратно, казалось ей, та пора, когда хотелось глянуть в зеркало, поправить волосы, улыбнуться своей красоте.

– Где тут мужики Михайло и Владимир живут? – раздался хрипловатый голос, и в дверях показались длинные усы дяди Феди. Ребята, один другого шустрее, кинулись навстречу.

– Привет, лесорубы, привет...

Чинно, по-мужски поздоровались, заложили руки за спину и стали ждать. Федор Иванович не заставил малышей томиться, из карманов бекеши он выгреб на стол ворох орехов.

– Уплетайте, приятели. Не хватит, так ещё добавлю...

Вера Никитишна смущалась и вздыхала.

– Зачем вы, Фёдор Иванович, балуете-то их...

– Не избалуются, ничего. Как, мужики, не избалуетесь?

Ребята дружно крутят головами.

До той поры, как встретился с этими «мужиками», Синяков и сам не знал, что ему не хватало главного в жизни – ребят. Он стал заглядывать в отведенную ребятам каморку сначала чтобы проверить, всё ли для них сделано, а потом и так, на попутье. Два задубевших пряника, которые он прихватил по пути в буфете, привели его новых знакомых в такой восторг, что Синяков в душе усовестился и решил на следующий раз принести гостинцев больше и лучше.

3

Иван Иванович ковылял за Синяковым, то и дело соскальзывая «чужой» ногой с круто утоптанной тропки, чертыхался, вытирал пот со лба и ворчал.

– Ты бы, начальник, не так размашисто шагал, ей-богу. Не удержаться за тобой. У тебя хоть и худые лытки-то, да все свои. А у меня казенная, едри её корень, не слушается меня, хоть ты что с ней...

Синяков сбавляет ход.

– Отдохнуть, что ли, устал если?

– А не лишне бы и отдышаться...

Они останавливаются около валежины, счищают с неё снег, садятся. Иван Иванович привлекает из-за пазухи кисет.

– Ты нынче куришь ли, парничок? Что-то я не вижу...

– Давно уж бросил. Много легче стало.

– Так-то так... Оно, конечно, как не легче...

Иван Иванович с аппетитом затягивается и заглядывает сбоку на начальника.

– Твоё-то нынче мнение какое, Фёдор Иванович, выполним дополнительное задание или нет?

Синяков усмехается.

– Станный вопрос задает мастер начальнику. Выполним ли? Надо, так как же не выполним...

Трёт переносицу.

– Вот людей бы ещё подбросили...

Иван Иванович кашляет от хорошей затяжки. Сквозь кашель пытается говорить.

– Людей-то уж неоткуда взять, начальник. Был я намерен в Сосновке. Там коровы режут от голода, некому корму задать, все, вплоть до малышей, на лесозаготовках. А ты: ещё бы подбросили...

– У нас-то тут, верно, резервов нет, – согласился Синяков. – А я хочу подальше уполномоченных послать, в другие области. С райисполкомом согласовано, не возражают. И из об-

¹ Аншпуг – толстый кол для перекатки брёвен.

ласти добро получено. Не знаю вот, кого снарядить. Надо человека подбирать побойчее, оборотистее, да и понахальнее.

Иван Иванович вспыхнул смехом.

– Ловкие ты, парнёчек, аттестаты даешь своим уполномоченным. Да тут и думать нечего. По этой твоей анкете любой сразу скажет: посылайте Фишку...

– А что, и в самом деле кандидатура. Он к тому же любит ездить, сам напрашивается на командировки...

В тот же день Синяков оформил Фишке командировку, а через месяц он принимал его чуть не с распростертыми объятиями: поездка оказалась удачной. Фишка привез с собой группу завербованных. Правда, половина из них на той же неделе сбежала, но другая-то половина осталась в Сузёме. Федор Иванович даже, вопреки протесту бухгалтера, оплатил Фишке железнодорожный билет в купированном вагоне. И завхоз зачастил в дальние командировки.

4

Узкоколейка, проложенная в глубь лесного массива ещё до войны, давно вышла из строя и эксплуатировалась, только от времени до времени, когда удавалось залатать одряхлевшие мотовозы и кое-как привести в порядок рельсовый путь. Возни всегда с этим было за глаза, и производственный эффект пустяковый. Синяков поэтому не любил ходить в механические мастерские, и там всё делалось без руководства, что бог на душу положит. И когда счетовод конторы лесопункта Доретта, жеманная особа, привела к Синякову свою дочку, окончившую школу фабрично-заводского обучения, с просьбой определить её в механические мастерские, Синяков пожал плечами.

– Пусть идёт, только сладость там не велика...

– Специальность у Ниночки, товарищ начальник, такая, железная, слесарь она, куда же ей в другое место?

– Железная, так ладно. Я не возражаю, пусть играет в железяки...

Доретта сделала начальнику глазки, на что он не обратил внимания. Она обиделась и, уходя, хлопнула дверью. Случилось так, что он забыл сказать, чтобы Нину зачислили в состав рабочих мастерских. Ей ответили там, что и самим скоро будет делать нечего, всё идёт к упадку. Девушка расстроилась, вернулась домой в слезах. Доретта – к Макаре.

– Что же это такое делается, измываются над рабочим человеком, – запримечала Доретта, едва открыв дверь. Макары дома не оказалось. Машенька стала участливо расспрашивать, что да почему. Доретта дала волю фантазии. Она так расписала дело, что вроде бы Синяков потому не принял Нину на работу, что она, Доретта, отклонила его ухаживания.

– Видела, как он смотрел на меня масляными глазами и облизывал губы, ровно кот перед молоком. А мне нужен он, как собаке пятая нога. И не такие ухажеры у меня найдутся, да я на них глазом не гляну. Так обманул: сказал примут, а сам дал приказ и близко не подпускать к мастерской... Ежели рабочком не заступится за рабочего человека, я и дальше пойду, в районе, а то и в области найду управу...

Маша очень расстроилась. Она пыталась успокоить Доретту, убеждая её, что та, наверно, ошиблась, не может быть, чтобы Синяков оказался таким мерзким человеком. Доретта не слушала.

– Ты его не знаешь, Мария Васильевна. Вот и всё. Такой, такой он и есть... Анфиса-то не зря от него убежала...

Не выдержав Дореттинога напора, Маша пошла к Синякову. Тот долго думал, пытаясь

уразуметь, о чем идёт речь. Наконец, вспомнил, что давал обещание принять девчонку в мастерские, да и забыл о нём. Неловко теребя ус, он стал извиняться перед Пчелкой.

– Затмение нашло, верно. Это, говорят, от старческого склероза случается такая заминка памяти. Вы уж не попеняйте, товарищ Луганова. До вас, смотри ты, дошло дело, будь она неладна, эта Доретта...

Маше самой было неловко перед Синяковым и, чтобы как-нибудь спрятать неловкость, она спросила:

– Так можно Нину свести в мастерские?

Синяков засуетился.

– Конечно, какой разговор. Вот нате вам документ, ежели без него не обойтись...

Он вырвал листок из блокнота и написал записку. Маша пошла с Ниной в мастерские. Там накололи записку на шило, торчащее из стены, указали Нине, где взять инструмент, и она стала рабочим человеком.

5

Задумчивый, сосредоточенный, шагал по поселку Синяков. Он получил вызов в трест и теперь денно и ночью готовил в уме нужные для отчета материалы. Кто знает, о чём там спросят. С планом вроде на мази. Перерасходы не так велики, бывали и побольше. Ну, техника используется так себе. Так у кого она в леспромхозах треста добро используется? Соревнование в Сузёме есть. Особо беспокоиться будто нет причин. А всё же надо сто раз обдумать и то и другое. Начальство всегда начальство. Ему иной раз такое в голову придёт, до чего ты и вовек бы не додумался. Вот и узнай, чем оно заинтересуется...

Внезапно Синяков остановился, словно его ударили по глазам. Навстречу ему по узеньким мосточкам шла Анфиса. Весёлая, румянолицая, из-под пухового платка выбились беледые кудряшки, глаза светлые, будто прозрачные, а внутри горит нагловатый огонек. Она не замедлила шаг, не свернула в сторонку, не опустила взгляд; так и прошла молча, словно не заметив своего бывшего мужа, только вихлястее стала походка. Синяков видел, куда она свернула, но не мог вспомнить, кто там живет. Маленький домик, калитка с надписью: «Цѣпная собака». «Почему через ять? – удивился Синяков. И тут же рассмеялся: Не всё ли тебе равно, уважаемый товарищ, куда она пошла и почему цепная собака написана через ять. Видно, им так лучше». Жена... Бывшая жена... Любил ли он её? Кто знает, кажется, любил. Но вот прошагала мимо, и ему всё равно... Кабы всё равно, разве думал бы так?.. Синяков поглубже нахлобучил шапку, будто хотел покрепче запрятать свои думы, и зашагал, привычно раскачиваясь с боку на бок. Остановился около ларька, постоял, словно раздумывая, махнул рукой.

– Девушка, налей-ко стакашек...

Анфиса постучалась у калитки, цепная собака твякнула раза два, потом завиляла хвостом, узнала. Щелкнули замки, и перед Анфисой открылась дверь.

– Своего встретила, – сообщила Анфиса, не успев поздороваться.

– Поленом он тебе в ноги не запустил? – ехидно спросил Ефим Маркович.

– Пусть попробует. Руки короткие.

– Про то вам знать, – смиренно потупился Ефим Маркович. – По какому делу, сестра Анфиса?

Она бесцеремонно разделась, повесила на гвоздь шубку, пуховый платок, сняла валенки и поставила их на печку, села на табурет, стала растирать ноги сквозь чулки.

– Намяла в дороге, портянки неловко наворачнула, что ли, – объяснила она. – По какому

делу, ты спрашиваешь? А на раденье пришла. Будет служба-то?

– Служба будет, как же, – благоговейно перекрестился Ефим Маркович. – А как жизнь там, в Сосновке?

– Живут добро, тебе кланяться велели.

Горница у Ефима Марковича обширная, холодная и пустая. Тесовый стол, грубые скамьи по стенам да окованный железом сундук в углу – вот и всё её убранство. Пол некрашенный, затоптан дочерна. Анфиса поморщилась.

– Некому тебя изобиходить-то, что ли?

– Некому, Анфисушка. Люди приходят, помолятся, порадеют Христу-спасителю, а грязца-та и остается... И то сказать, святая грязца, не вредная...

Анфиса, не спрашиваясь хозяина, затопила печь, нагрела воды и начала голиком с дресвой продирать загаженный пол. Ефим Маркович молча наблюдал, лежа на печи.

– Дородная из тебя мытница, Анфиса. Хоть бы ходила раз в месяц, проворачивала у меня грязь-то.

– Не жирно ли будет, батюшка. Своих, сузёмских богомолок заставляй, пушай потрудятся во имя господа, не что и сдеется...

6

Из треста Фёдор Иванович вернулся мрачнее тучи. Видно, нахлобучку дали? Нет, нахлобучки начальник лесопункта Сузём не получил. Наоборот, его не сильно, но прихваливали: план-то выполняется, соревнование ведётся. Омрачила товарища Синякова перспектива. Управляющий трестом так и сказал:

– Со стародедовской дубинушкой кончать пора, наступает новый период на лесозаготовках. В лесные делянки косяком пойдет новая техника. Её надо встретить в полной готовности и с распростертыми объятиями. Старые привычки, ставку на многолюдье придется бросать. А кто не сможет разделаться со старинкой, тому самому придется посторониться...

Синякову показалось, что, произнося последние слова, управляющий посмотрел на него. Синяков невольно зажмурил глаза, будто ветерком дунуло, резким, морозным.

Глава четвертая **ГОРОДСКОЙ ГОСТЬ**

1

Кто-то пустил слух, что завхоз Фишка загнал всех коз в старую конюшню. Женщины в делянках, услышав об этом, побросали топоры и пилы, сбежались к узкоколейке. Туда приезжают люди из поселка, можно узнать подробности. Мотовоза, как на грех, долго не было, и женщины, столпясь между штабелями бревен, судили да рядили на все голоса. Тон задавала белобровая толстушка в ватированных шароварах, в стёганой фуфайке и мужском треухе.

– Своими ушами, бабоньки, слышала, мне счетоводова золовка сказывала, как продавщица поварихе передавала, будто от завхоза Фишки поступил такой приказ...

– А на что ему наши козы?

– Как на что! Говорят, велено зарезать, а мясо сдать в колбасную...

– Это, видать, его хахальница настроила. У нее козы нет, вот она и науськивает...

– Ну, такого закону не выходило, чтобы завхозу чужими козами распоряжаться.

– А что, думаешь, он законов спрашивается? Ему твои законы ни при чём.

– Кабы спрашивался, не то бы и было...

Мастер Иван Иванович, прослышав о бабьем митинге, прихрамывая, трусил к штабелям.
– Да вы что, милые, сдурели? Слыхано ли в такую рань топоры бросать, – кричал он ещё издали, размахивая метром.

Женщины все к нему.

– Так, Иван Иванович, козы-то пропадают же...

– Какие козы? Чего вы шебаршите понапрасну.

Мастер взывал к сознательности, стыдил и укорял – не помогало. Галдеж продолжался до прихода мотовоза. Едва мотовоз остановился, женщины обступили моториста.

– Ты был в поселке? Что там делается?

Тот развел руками.

– События большие происходят: тетка Мавра дяде Прохору пироги печет.

– Ты не балясничай, говори толком: козы наши живы?

– Козы? Живы? – переспросил сбитый с толку моторист. – Холера вашим козам делается, грызут что ни попало. Да чего вы взбеленились? Какая муха вас укусила? – вдруг рассердился он. – Работать надо, а они дурака валяют среди дня. Ты, Иваныч, что смотришь, глупостям потакаешь?..

Иван Иванович виновато заморгал глазами и, приняв начальнический вид, распорядился идти по делянкам. Но тщетны были его приказы. Как только мотовоз прицепился к грузеному составу, женщины со всех сторон облепили платформы.

2

По дороге к поселку двигалась подвода. В розвальнях сидел Юра Лычаков в пальто и в кепке, неумело правя лошадей. В леспромхозе ему сказали, что эта подвода – порожняк и её надо угнать в Сузём. Вот он и гнал. Подъезжая к поселку, он увидел у конторы лесопункта толпу. Десятка два женщин окружили на ступеньках крыльца мужчину в синей суконной гимнастерке с расстегнутым воротом. Он что-то говорил, размахивая руками, но слов не было слышно, их покрывал нестройный гам женских голосов. Мужчина в гимнастерке под напором толпы, пятясь, поднимался по ступенькам. Наконец он плюнул и, круто повернувшись, скрылся за дверью. Юра остановил лошадь.

– Чего они? – спросил он сторожа, топтавшего снег около склада.

– Да козий бунт, – ответил тот весело.

– Бунт? – изумился юноша.

– Ну, так бабы, что с них возьмешь, товарищ уполномоченный, – разъяснил старик, светясь лицом.

Юноша пожал плечами.

Женщины ещё погалдели и разошлись.

Юра спросил сторожа, куда поставить лошадь.

– Риковская, кабыть, – уважительно похлопал сторож лошадь по холке.

– Нет, из леспромхоза.

– А веди на конюшню, – махнул старик рукой. – Не будут принимать, скажите: Васька Белый приказал. Это я, значит...

Юноша не совсем понял, почему нужен приказ сторожа, чтобы поставить лошадь на конюшню, но поступил так, как сказал старик. Мальчишки-конюхи весело загоготали, когда он сослался на Ваську Белого.

– Приказ есть приказ, – заливались они. – Ставь уж, раз Васька Белый велел...

Перебивая друг друга, они рассказали, что Васька Белый известен в поселке Сузём да и в

других лесопунктах тем, что считает себя то ли главным диспетчером, то ли старшим помощником директора леспромхоза и всюду распоряжается, всех поучает.

Сдав лошадь, Юра пошел в контору. Сквозь щелявую дверь с табличкой «Начальник лесопункта» неслись голоса. Слышался сердитый басок с хрипотцой.

– Ты мне план срываешь, понимаешь это или нет! Растравил баб, вот теперь и попробуй сладить.

Юра остановился, раздумывая, войти или нет. Начальник распекает подчиненного, неудобно. А впрочем, здесь, в лесу, такие тонкости ни к чему. «Зайду, чего там», – решил он и шагнул за порог. На него не обратили внимания. Перед столом, стоял белобрысый человек в широкоплечем и долгополом сером пиджаке, в белых поярковых валенках с блестящими калошами. На валенки нависали широкие разутюженные брюки. По выражению лица человека в калошах нельзя было понять, как на него действует разнос начальства. Оно оставалось равнодушным и тусклым. А взгляд был направлен куда-то в сторону, кажется, на большой ржавый гвоздь в стене, вокруг которого обсыпалась штукатурка. Начальник долго кричал, пока не умаялся. Умаявшись, отер пот на лбу и сказал другим тоном:

– Ты, Фиша, вот что, отпусти коз, ну их к лешему...

Белобрысый вытянул трубочкой губы, будто свистеть собрался, поправил легким прикосновением руки мерлушковую с проседью шапку, но глаз от гвоздя не отвел.

– Нет принципиальности у тебя, товарищ Синяков, – сказал он укоризненно. – Бабы на тебя нажали, ты уж и осел...

– Согресишь с ними, Фиша, сам себе не рад будешь...

Юра мало-помалу понял, что произошло в поселке. Распекаемый начальником и был тот завхоз, который взбудоражил женщин. История эта началась давно. Жители поселка в военные годы развели коз видимо-невидимо. Беспокойные животные приносили завхозу массу неприятностей. Они лезли в огороды, воровали сено, обглаживали деревья, мусорили и пакостили. Со всем этим Фиша, скрепя сердце, мирился, пока чья-то глупая коза не изжевала завхозовы брюки, вывешенные на забор для проветривания. Тут уж Фиша вскипел. Он решил разделаться с козами, загнав их в старую конюшню.

– Отпусти их, Фиша, к лешему. Не будешь же вечно держать их в конюшне. Подохнут ещё без корма. Отпусти, – то ли просил, то ли советовал начальник.

– Если начальник даёт директиву, мне ничего не остается, как повиноваться. Но имей в виду, товарищ Синяков, когда выявится недостаток сена для конского состава, я ответственность с себя слагаю.

Начальник махнул рукой. Фиша, поблескивая калошами, вышел. Юра переступил с ноги на ногу и кашлянул. Начальник сидел за столом, положив большие с узловатыми пальцами руки на треснутое настольное стекло, замазанное чернилами.

– Можно к вам?

– Заходи. Чего скажешь?

– Я на работу приехал, товарищ начальник.

Синяков осмотрел приезжего критическим взглядом.

– Добро! Люди нужны. Выбирай, какая подойдет должность, сейчас оформим. Хошь кладовщиком, хошь завом на пекарне, а то можно в помощники к завхозу. Которое устроит...

Юра пожал плечами.

– Спасибо. Только мне бы не должности...

– Ты чего? – начальник уставился на юношу с явным недоверием. – Не должности?..

– Я лучше на производство. Направьте в мастерскую...

Начальник поморщился.

– Ты что – специалист?

Юноша покраснел.

– Мне хотелось бы попробовать хоть слесарем...

– Да там у нас есть, справляются, – тусклым голосом сказал начальник.

– Что ж, пойду тогда в делянку.

– Как хошь, твоё дело, двигай к завхозу, пусть оформит на довольствие...

3

Завхоза Юра не нашел. «Наверно, с козами управляется», – подумал он и пошел бродить по улицам поселка. Да, видимо, нелегко здесь достанется. Дела тут, выходит, неказистые. На всём поселке лежала печать запущенности и бесхозяйственности. Крыши с иных барачков сползли, стекла в окнах повывбиты, и рамы заткнуты чем попало. Конюшня вся завалена навозом.

Юра разыскал механические мастерские. Они тоже выглядели неказисто. Дверь висела на одной петле, вперекос. И чтобы пробраться вовнутрь, стоило немалого труда открыть её. Огромное помещение казалось пустым. Посреди лежал намет снега, и снег не таял. Из дальнего конца мастерских несло постукивание. Значит, там кто-то работал. Привыкнув к темноте, юноша различил остов мотовоза. Под ним копошились.

– Труд на пользу, товарищи, – сказал юноша подходя.

Из-под мотовоза сначала показались ноги в испачканных мазутом валенках, затем засаленный ватник и потом огромная шапка-ушанка. Лица не разобрать, потому что оно всё чернёнхонько, только глаза сверкают, как у негра. По росту определил: подросток, может быть, даже мальчик.

– Как дела, молодой человек?

– Не спрашивайте, дела наши скучные. А вы из леспромхоза или как?

– Приехал на работу.

– К нам?

– К вам.

– Уж не механик ли?

– Конечно, не архиерей...

– Вот и ладно! Может, и пойдут у нас дела, – воскликнул мальчик в ватнике.

Юра развел руками.

– Они у вас и так идут. Начальник говорит, справляетесь...

– Вы серьезно?

– Нет, смешу.

Мальчик бросил на пол гаечный ключ.

– У нас вечно так. Мотовозы стоят, ничего поделать не можем, просим дать настоящего механика, а нам говорят: «Сами делайте, как умеете».

Скорбная рожица, вымазанная маслом и копотью, была уморительна. Юра засмеялся, ухватив мальчугана за нос.

– А ты не настоящий, что ли, механик? Иди-ка умойся...

Мальчик резко отстранился.

– Вы рукам воли не давайте.

– Ого! Да ты занозистый...

Мальчик ничего не ответил, занялся мотовозом.

Разыскать завхоза удалось только в сумерках. Он отвел Юру в барак, где жили вербованные, приехавшие из разных мест страны. Обстановка в бараке поразила. Там царили грязь и холод. Завхоз указал место на голых нарах. Новичок положил на них свои пожитки.

– А квартирка-то так себе, – сказал он.

Завхоз равнодушно ответил:

– Не в городе, в лесу.

– Оно конечно, как в лесу без грязи...

Завхоз измерил юношу взглядом с головы до ног и, не ответив, вышел. Новый жилец сел на нары, поежился от холода. Что ж, молодой человек, располагайся, начинается новая жизнь...

Под вечер в барак стали собираться лесорубы. Красные от мороза, закуржавелые, они, не торопясь, раздевались, изредка перебрасываясь скупыми словами. На нового жильца не обращали внимания. Только сосед по нарам, устлая своё гнездо, сказал:

– Нашего полку прибыло...

– Прибыло, – в тон ему ответил новичок.

Лесорубы затопили печи, обложили их по бокам мёрзлыми валенками. На веревках развесили для просушки одежду. Когда печи раскалились, от валенок и одежды повалил пар. Копилки без стекол бессильно пытались перебороть расплзавшийся по бараку туман. Но силенки у них не хватало. Колышущиеся язычки их пламени бессильно мерцали, окруженные радужными венками. Резкий запах прелого войлока щекотал в носу. Новосел чихнул.

– Здоровеньки бывайте, – не без насмешки произнес сосед и, помолчав, спросил:

– Откуда приехал-то?

Новосел сказал.

– После срока?

– Что это? – не понял Юра.

– Зеленый, значит?

– Пожалуй, верно, что зеленый, – усмехнулся новичок.

– Ну, ничего, обкатаешься... Как звать-то тебя?

– Юрой, – односложно ответил новый жилец.

В бараке становилось всё теплее и теплее. Те, кто помещался ближе к печкам, стали снимать верхнюю одежду. Воздух сгущался. Табачный дым, перемешанный с паром и сдобренный гарью от подпаленных валенок, висел над нарами тяжелой пеленой. Юра не мог выдержать, приоткрыл входную дверь. С клубами морозного пара хлынул чистый воздух.

– Эй! Что ты делаешь! Закрой сейчас же, – раздался возмущенные голоса. Пришлось закрыть дверь.

– Ты, приятель, не шали. Тут ты не в своей горнице...

Из-за печи к Юре тянулся огромный кулачище, покрытый татуировкой. Он принадлежал кудлатому молодцу, лежавшему на топчане между печкой и стеной. Там, видать, было невыносимо жарко, и парнице разделся догола, его мускулистое тело лоснилось от пота.

– Испечешься тут, забрался в пекло, – покачал головой Юра.

– Не горюй. Лучше маленький Ташкент, чем большая Колыма, – сострил запечный жилец.

За столом, протянувшимся вдоль барака, расположилась компания картежников. На кону лежала груда измятых рублёвок. Засаленные карты сочно шлепали по столешнице. Лысого-

ловый толстяк с розовыми ушами, сладостно зажмурясь, медленно-медленно тянул одну карту из-за другой, а сзади наблюдали болельщики, затаив дыхание, впиваясь глазами в кромку карты.

– Четыре сбоку. Ваших нет!

Лысый толстяк небрежным жестом откинул карты и загреб деньги.

– Садись, сдадим, – подмигнул он Юре.

– Не заработал ещё, ставить нечего...

– Подождем, когда заработаешь, нам не к спеху.

Юра лег на нары, закрыл лицо полой пальто. В голове трещало, наверно, от дыму и от непривычной жары. Юра поймал себя на мысли, что всё это, может быть, сон. Ещё вчера он и представить не мог, что в такой обстановке живут люди. Ни в городе, ни в деревнях ему не приходилось встречать ничего похожего. Но это, увы, не было сном. Даже сквозь полу пальто слышалось шлёпанье карт о столешницу, взрывы хохота, возгласы восторга, обильно сдабриваемые матерщиной. А всё это старался перекрыть густой храп соседа по нарам. Юра почувствовал себя страшно одиноким.

5

Утренний лесной воздух после душного барака распирал легкие, кружил голову. Юра шагал по тропке вдоль просеки, чувствуя, что с каждым движением все сильнее расходилась по жилам кровь. Снег под ногами приятно поскрипывал. Над головой, в вершинах огромных елей, слегка пошумливал предутренний ветерок. Лесорубы шли гуськом друг за другом, изредка перекидываясь словами. Тропка круто свернула в сторону, опустилась в овраг, снова устремилась на пригорок и, вынырнув из лесу на просторную поляну, исчезла среди мятого снега. Пришли в лесосеку, центр которой определяла высокая стройная ель с очищенными до вершины сучьями, укрепленная растяжками из металлического троса. Чуть в сторонке, под навесом из лапистых еловых прутьев, стояла лебедка, к ней тянулись провода от передвижной электростанции, всё в снежном инее, словно в пуху. И как раз в тот момент, когда Юра остановился на полянке, электростанция загудела, и в лесу вспыхнули гирлянды мощных электрических ламп. Стало светло, будто днём. Мастер Иван Иванович коснулся метром Юриного плеча.

– Ты, слышь, иди в бригаду к Бызову, парничок...

Оглядев фигуру юноши, мастер покачал головой.

– В пальто и ботинках, работничек...

Юра пошел к человеку, возившемуся с тросом, на которого указал мастер. Он узнал в нем того самого кудлатого молодца из запечного жилья, что предпочитал маленький Ташкент большой Колыме.

– Куда тебя, не знаю, и поставить, – скосил глаз бригадир. – Иди-ка, братец, пока в махальщики. Вон по той линии, становись, девки укажут. Эй, девчата, возьмите в свою компанию, может, сгодится...

Что за специальность такая – махальщик, Юра и понятия не имел, но он послушно отправился, к группе девушек у костра.

– Принимаете, красавицы?

– Мужик вроде ничего, как не принять...

– А чем же мне махать?

– Можешь шапкой, а то возьми прут полапистее.

– Да ты чего же, товарищ, в ботиночках? Тут не «сковородка», отморозишь ноги-то...

Юра смущенно буркнул что-то в оправдание.

6

Вечером, когда возвращались с работы, Васька Белый, заметив Юру, забавно вытянулся в своем овчинном архалуке.

– Как сегодня дела, товарищ уполномоченный?

Юра, весь озябший, голодный, ответил невнятно, прошел мимо. Старик неодобрительно глядел ему вслед.

– Чего бормочешь, главный диспетчер? – спросил весело Бызов. – Принимай рапорт...

Васька строго отмахнулся.

– Отдашь товарищу уполномоченному. Он меня выше. Ишь, в ботиночках, сердечный, околел, надо быть, за день-то...

В бараке картежники, окутанные табачным дымом, страдали за столом. Похоже, что они с ночи так и не прекращали игру. Лица у всех позеленели, щеки запали. У лысоголового уши вместо розовых стали сизыми и обвисли, как тряпки. Но он продолжал шлепать картами по столешнице, алчно поглядывая на кон. Игра не прекратилась даже и тогда, когда лесорубы приступили к ужину. Игроки только потеснились к концу стола. Юра, заглянув в свой чемоданчик, обнаружил, что он пуст. Маменькины подорожники исчезли. Не раздеваясь, он лег на нары, нахлобучил шапку на лоб. В тепле заныли пальцы на ногах.

– Приятель, а приятель...

Сквозь дрему Юра почувствовал, что его дергают за полу пальто. Открыл глаза. Над ним наклонился Бызов.

– Ты что на голодуху завалился? Цыган, брат, приснится на пустое-то брюхо.

– Пусть снятся хоть сто цыганов.

Юра отвернулся, стараясь прикрыть лицо воротником.

Бызов ловко подхватил его рукой за шею, посадил на нарах, сам сел рядом, сказал строго:

– Ты дурака не валяй, молодой человек. Здесь маменьки нет, чтоб за тобой ухаживала. Станешь кочевряжиться, добра не будет...

Юра с недоверием смотрел на Бызова. Кудлатая нечесаная голова, загрубелое обветренное лицо с крупным сизоватым носом, нависшие брови, татуировка на бицепсах – портрет, прямо скажем, далеко не привлекательный. Но в глазах, серых, грустноватых, Юра прочел настоящее человеческое участие. И он виновато улыбнулся. Сказал с нарочитой грубоватинкой:

– Не кочевряжусь я. Видишь, все продовольственные ресурсы...

Он присвистнул, открыв чемодан.

– Понятно. – Бызов произнес это слово так, будто иного ничего и не ожидал. – А деньжата у тебя есть? Хоть на пропитание...

– Немного есть.

– Иди сейчас же в лавку, пока не закрыли, – тоном приказа сказал Бызов, – а то утром и червячка заморить нечем будет, какой ты тогда работник...

Юра встал и вышел из барака. Бызов погрозил кулаком картежникам.

– Оставили парня голодным, псы...

Те дружно захохотали.

– Пушай ему мамка пришлет свежего...

– Опять полакомимся...

– А ты в шефы к нему записался? Ублажай его, они, чистюли, это любят...

– Он знает, чьи пятки чесать, чует, где отвалиться может...

Бызов крепко выругался, залез в свой маленький Ташкент за каленой печкой и захрапел.

Глава пятая

НЕУДАВШИЙСЯ СТУДЕНТ В ЛЕСНОЙ ДЕЛЯНКЕ

1

Все случилось очень просто. Папа сгоряча сказал, что теперь остается одно – идти на лесозаготовки. Юра, водивший пальцем по затускнелому стеклу, резко обернулся и устремил на отца упрямый взгляд.

– Хорошо, я пойду на лесозаготовки...

Сколько мама ни ахала, как она ни уговаривала сына не делать глупостей, тот стоял на своём. Раз так случилось, менять решения нет надобности. Он не дитя, и с ним возиться нечего. Он сам найдет свой путь в жизни...

Конечно, он не дитя. Это подтверждается и аттестатом зрелости, который мама хранит в одном из ящичков комода. Когда этот долгожданный аттестат был получен, Юре казалось, что с ним он завоюет весь мир. Но завоевать мир оказалось не так-то легко. В университет он не прошел по конкурсу. Домой вернулся удручённым.

Что же теперь делать? Мама подняла глаза на папу. Разве нельзя позвонить в архангельские институты? Можно позвонить, но ведь поздно. Мама заплакала. Всё-таки отцы плохо заботятся о детях. Ну, бывают же исключения, когда приходится пренебречь кое-чем и использовать хоть раз в жизни свой вес в личных целях. Папа, когда звонил, используя свой вес в личных целях, был красным, словно рак. И ничего не получилось. Папа в душе даже был рад этому. А мама сказала, что он тряпка. Первый раз она так грубо и неумно сказала. Папа рассвирепел и тогда крикнул, что таким, как их сынок, надо не в университеты поступать, а идти на лесозаготовки.

И вот Юра на лесозаготовках.

В первом письме своим школьным товарищам он написал:

«Орлы! Здравствуйтесь! Поклон вам от лесоруба. Спешу сообщить, что покорный ваш слуга успел уже получить квалификацию. И какую! Махальщик. Вам и не понять, что это такое. Не тротуары на Павлиновке утюжить, не на диспутах «Есть ли счастье и с чем его едят?» позевывать, не на танцуйках перед девчатами расшаркиваться, а день-деньской стоять по колено в снегу, махать рукой либо прутом и кричать до хрипоты: «Давай вперед!», «Стоп!». Чувствуете? Чем не капитан пиратского фрегата!

Однако, братцы, грустно. Во-первых, грустно потому, что не с кем добрым словом перемолвиться: народец вокруг меня ой-ой! Во-вторых, какие бы гимны труду ни пел наш знаменитый диспутант Беляковский, оный труд отнюдь не сладок и как он облагораживает душу, не могу понять, хоть убей. Вот вам картина. Стою на своем «ответственном» посту, полной грудью вдыхая смолистый морозный воздух. Вспыхивают гирлянды электрических огней, и при их ослепительном свете я вижу, как в глубине делянки копошатся человеческие фигурки. Это наши старатели заносят металлический трос на пасеку. Не на ту пасеку, разьясняю вам, где стоят пчелиные ульи, а на ту, где беспощадный человек порушил наземь вековые ели. С

тросом возятся долго. Поглядываю на лебедчика. Он сидит, безмятежно покуривая. Ему что! В овчинном полушубке, ватных штанах и широченных валенках мороз не страшен. А я весь заколел. Пальцы ног ломит, хотя я их замотал, по совету бригадира, несколькими слоями портянки и газеты. Как видите, друзья мои, мне стала ведома здесь ещё одна сторона культуры. Оказывается, газета полезна не только для повышения политического уровня, как уверял нас незабвенный комсорг Ваня Новиков, но и для согревания ног, вернее, для предохранения оных от почти неизбежного обмороживания. Полный признательности прессе, я всё же не полагаюсь на неё целиком и приплясываю, разминая снег».

2

Сигнальщик машет рукой. Юра кричит лебедчику: «Давай вперёд!» Лебедка заработала, трос натянулся так, что, кажется, тронь его – зазвенит. Подтягиваемая тросом ноша идет с трудом, цепляясь за пни, взрывая горы снега. Увы, она не дошла до складской площадки: лопнул кронштейн. Лебедчик заругался на чём свет стоит. Подозвал Юру.

– Дуй в поселок за кронштейном.

– А разве нет запасного? – наивно спрашивает Юра.

Лебедчик смотрит на него точно так же, как смотрел доброй памяти школьный учитель Апельсин Салатыч, когда Юра у доски нёс великую чепуху. Под этим красноречивым взглядом юноша горит со стыда и направляется по тропке к поселку, в душе радуясь, что хоть ноги разомнёт на ходу. Навстречу попадается бригадир Бызов.

– Куда, дружок? За кронштейном? Вертай обратно. Их брат, ещё вчера не было. В район за ними послали, в цереме, да привезут ли кто знает...

– Что же делать?

– Пошли к костру.

У костра собралась вся бригада. Юра по простоте душевной думал: вот будет шуму-гаму! А ведь ничего. Люди устраивались вокруг огнища возможно удобнее: кто на еловых ветках, кто на чурбаке, кто мастерил подобие кресла, вбивая колья в глубокий снег. «Видать, дело привычное», – соображает Юра. Дуня Петялина вынула из корзинки сковородку, поставила её на каменные угли и положила кусок свинины. Аппетитный запах жареного разлился в морозном воздухе.

– Вот и закусим, бывало, – потянул носом лебедчик.

– Только тебя и угощать, – отозвалась Дуня. – И так добро кронштейны ломаешь.

– Жарким накормишь, так не сломается кронштейн, – гоготнул лебедчик.

Дуня устала руки в боки и под дружный хохот лесорубов закидала лебедчика вопросами:

– У тебя? Не сломается? Да бывало ли когда такое?

А лебедчику хоть бы что. С невозмутимым видом он очистил топором от сучьев длинный березовый прут. Заострив конец прута, насадил на него ломоть хлеба, густо посоленный, и стал жарить над пламенем костра.

Дуня изумленно уставилась на него.

– Что ты делаешь? Ведь спалишь хлеб...

– Ты, девонька, не спали чего-нибудь, – ответил лебедчик, переворачивая ломоть то одной, то другой стороной. Когда же он стал с аппетитом есть поджаренный, хрустящий на зубах хлеб, у Юры засосало под ложечкой. И он последовал примеру лебедчика.

На тропке появился Иван Иванович, но, заметив собравшихся у костра, свернул в сторону и заприхрамывал вдоль опушки.

– Иваныч, иди сюда погреться! – гаркнул Бызов.

Мастер, будто не слыша, уходит всё дальше и дальше. И Юре становится грустно. Он смотрит на удаляющуюся фигуру мастера и думает: «Он уходит подальше от греха. А я? Чем же лучше я, согревающий у костра ноги, озябшие в пору безделья?..»

3

В воскресенье в клубе концерт. Афиша, намалеванная лиловыми чернилами на обороте старого плаката, косо прибитая над прилавком продовольственного ларька, заставила Юру улыбнуться. И слово-то концерт в этом медвежьем углу звучало, как насмешка. «Где же они тут ставят свои концерты? Не на конюшне же, в самом деле», – думал Юра. Спросил об этом продавщицу.

– Зачем на конюшне! – обидчиво глянула она. – У нас клуб есть...

Широким ножом она ловко отрезала полбатона хлеба, положила на весы и, косясь глазом на стрелку, закончила прерванную фразу:

– ...Не хуже вашего, городского...

– Что ж, посмотрим.

– Милости просим.

Вечером, собираясь в клуб, Юра обратил внимание на свои помятые брюки. Выутюжить бы надо... А для чего? Подумаешь, театр! Сойдет и так.

Всё же руками, как мог, разгладил особенно мятые места, попытался выправить чуть заметные старые складки.

На улице у склада перед ним вытянулся, взяв под козырек, Васька Белый.

– Здравия желаю, товарищ уполномоченный! Не в клуб ли направились?

– В клуб. Где он у вас находится?

– А вон там. Фонарь у барака видите? Это и будет клуб, товарищ уполномоченный.

– Спасибо. Но почему вы меня уполномоченным величаете?

– Как же! Мы знаем. По одежде определяем, – доверительно сообщил старик. – А что я вас хочу спросить, извиняюсь, собрание будете у нас проводить или как?

Старик раззабавил Юру, и тот, солидно кашлянув, ответил:

– Придется и собрание провести. Приходите, может, выступить пожелаете.

– Выступим обязательно. Без этого нельзя. Вот подготовлюсь; с рабочкомом конспект согласую...

– И конспект?

– А как? Рабочком у нас строг, шибко строг... А вас как звать-величать, товарищ уполномоченный?

Юра назвал фамилию.

– Имя-отчество не откажитесь сообщить, поскольку вижу, что человек вы хороший, уважительный. По имени и отчеству желательно...

Ввел старик Юру в краску. Когда юноша удалялся, слышал, как Васька бормотал про себя:

– Уважительный человек, не то что другие...

Дошел Юра до указанного стариком фонаря. Невзрачный барак с почернелыми стенами, если бы не вывеска над входом, нельзя никак принять за клуб. У крыльца стоял прислоненный к перильцам голичок. «Ноги обметать», – сообразил Юра. Этот голичок увенчал его скептическое отношение к сузёмскому клубу. Умышленно не обметая ног, Юра шагнул в помещение. И первое, что поразило его – чистота в прихожей. Ни подсолнуховой шелухи, ни

окурков. Пол блестел желтизной. Вдоль стен, за барьерчиком – вешалки, полные одежды. Выходит, надо раздеться. Женщина с красной повязкой на рукаве вежливо спросила билет и, надорвав, вернула.

– Проходите, уже начинается. Сейчас закрываю двери...

Легко разыскал свое место, сел и огляделся. Нет, Юра не ожидал здесь, в Сузёме, встретить такой клуб. И как обманчив внешний вид! Просторный зал с хорошо оштукатуренными и побеленными стенами, пожалуй, и верно, не уступал иному городскому. Гардины на окнах, занавес над сценой, сделанные из недорогой драпировочной материи, но сделанные со вкусом, создавали уют. Публика не толпилась в проходах, не лезла на просцениум, как бывает в иных клубах. Чудеса, да и только! Необъяснимые контрасты. Барак и клуб – небо и земля.

Концерт начался выступлением хора. «А ведь сносно», – отметил Юра. Выступали чтецы, музыканты, появился фокусник. Публика всех принимала горячо, хлопала в ладоши, топала ногами от восторга. Но вот конферансье – курносая девушка в стилизованном русском платье – торжественно объявила:

– Композитор Григ. Концерт для фортепьяно. Исполняет...

Девушка сделала паузу, набрала в легкие воздуха и громко провозгласила:

– Мария Васильевна Луганова...

Потом тише, с озорной улыбкой добавила:

– Наша уважаемая Пчёлка...

Раздался такой гром аплодисментов, какого, пожалуй, Юре и слышать не приводилось. Григ, фортепьяно, какая-то пчелка... Юра ждал, что будет дальше.

На сцену вышла просто одетая девушка, чуть смущенно улыбаясь, поклонилась публике, села за пианино. Ишь ты, она держится, как настоящая актриса! Когда же девушка заиграла, Юра забыл остатки своего бывшего скепсиса. Со сцены лились безукоризненные григговские мелодии. Казалось, в воздухе ломались тонкие льдинки и их прозрачные осколки, ударяясь друг о друга, легонько позванивали, лаская слух, задевая сердце. Легко и свободно, мягко и чисто играет эта странная «пчелка».

Сказать откровенно, Юра с таким азартом никому не аплодировал, как этой «пчелке». Даже девушка, сидевшая впереди него, оглянулась.

– Понравилось, механик?

Юра вконец растерялся. Во-первых, голос девушки показался ему знакомым, во-вторых, знакомыми показались и её глаза. Что за чепуха! Откуда тут знакомые? Юра пробормотал:

– Простите, вы, вероятно, ошиблись...

– Ничего я не ошиблась, – задорно ответила девушка и что-то зашептала на ухо соседке.

Потом, когда начались танцы, Юрина знакомая незнакомка, кружась в вальсе с подружкой, всё поглядывала на него. Нельзя отрицать, вид его в то время был забавен. Он мучительно пытался вспомнить, где и когда доводилось встречаться с «этой девчонкой». Разгадка пришла неожиданно. Вкатился какой-то парень во хмелю, с сигаркой в зубах. Смачно затянувшись, он бросил окурков прямо на пол. Девушка вскипятилась.

– У нас вечно так! Набросают окурков...

«Да ведь эта девушка – тот самый мальчишка с гаечным ключом, который вылез в мастерских из-под мотовоза», – осенило Юру. Он – это, ей богу, она! Юра не удержался, подошел к ней.

– А я вас узнал. Вы мальчишка в ватнике...

Она прыснула. Он невпопад поправился:

– Извините, я глупость сморозил. Вы...

– Верно, я мальчишка в ватнике...

Сообщая об этом эпизоде своим школьным друзьям, Юра писал:

«Надо ли вам, городским стилигам, разъяснить, что у вашего лесного приятеля не было больше затруднений для того, чтобы узнать, как зовут его новую знакомую. Скажу вам по секрету: ее имя Нина. А если хотите, могу передать всю анкету. Она закончила школу ФЗО, состоит в должности слесаря механических мастерских лесопункта Сузём. Что же касается внешности, то без ватника и без мазутных пятен на лице она мила. Скромное шоколадного цвета платьице, наивные кудряшки над чистым лбом и улыбка, мягкая, доверчивая, привели меня в такое состояние, что я не без опасений передаю вам эту анкету. Особенно я не доверяю Вовке Комарову. Влюбится, по анкете влюбится. А мне потом с ним что – стреляться?..»

4

Сначала Юре было удивительно, как лесопункт выполняет план. Передвижные электростанции работают с перебоями. И нередко на целые часы в разгар трудового дня замолкает шум электропил. Лебедки простаивают то из-за поломок, то из-за обрыва троса. Узкоколейка после частых аварий надолго выходит из строя, а мотовозы ремонтируются месяцами. Стыдно смотреть на погрузочные краны, что стоят ржавые, угрюмые, стоят на том самом месте, где их когда-то спустили с железнодорожной платформы, и печально взирают на людей, закатывающих тяжелые бревна на штабель с помощью первобытной ваги¹. В делянках люди предоставлены сами себе и всё делают, как умеют. Сколько раз Юре приходилось наблюдать, как лопаются кронштейны у лебедок. Так в чём же причина этой беды? Она проста и удивительна в одно и то же время. Оказывается, чокеровщики (так звучно называют рабочих, прицепляющих бревна к тросу) вместо того, чтобы перекинуть трос через блоки, привязанные к деревьям в глубине делянки, пускают его через первый попавшийся пень. Так проще и легче для них. Но можно представить, насколько увеличивается нагрузка, когда стальной трос вгрызается в сырую древесину пня.

И вот Юра пошел к Синякову. Услышав, о чем речь, тот сделал скучное лицо.

– Кронштейн, говоришь? Будет тебе шебаршить. Где я возьму его, когда и на леспромхозовском складе нет. Вот привезут, получишь... Что? Не в кронштейнах дело? Вместо блоков пни? Так что, я бог, что ли? Не пойду же я сам в делянку за вас блоки к соснам привязывать.

Юра сделал попытку возразить. Синяков не в шутку рассвирепел.

– Ты, юнец, рано учить берешься. Другие и без кронштейнов управляют. У соседей вон всегда план перекрыт. То-то? Топай-ка назад да скажи Бызову, чтобы дурака не валял. Не сделает мне плана, покается...

5

От начальника Юра зашел в бухгалтерию за нарядом на смазочное. Увидел там завхоза Фишку. Тот сидел, развалившись на стуле, и, снисходительно щурясь, слушал болтовню счетовода Доретты. Плотная, румяная, в кофточке с короткими рукавами, она была из тех, про коих говорят: в сорок два года – баба ягода; в сорок пять – баба ягодка опять. Она щебетала с Фишкой, строя ему глазки, а руками безостановочно перебирала косточки на счетах. Дуня Петялина толкнула Юру локтем, бровью указав на эту парочку. Сказала:

– В делянку идешь? Давай вместе...

На улице она затрещала:

¹ Вага – то же, что аншпуг, кол для раскатывания брёвен.

– Видел? Вот у нас соловей да галочка – молодая парочка. Втрескалась старуха в холостого Петруху. Да и вправду, Фишка – детина форсистый, культуры нахватался, говорит – что орехи щёлкает. Слышал?

– Слышал, – подтвердил Юра, – форс есть, это верно.

– Говоришь! Да тут иные чуть с ума из-за него не походили. А счетоводка их обскакала. Приворожила... Вот погоди, и тебя околдуют...

– Меня незачем, я без форсу...

– Форс неважно. Был бы холост. Ты не женат?

Что Юре оставалось ответить?

– Бобыль.

– Ну, ничего. Попадется толковая девка, будешь как сыр в масле кататься. Ты парень тоже видный...

– Спасибо за похвалу.

– А на здоровье. Правду говорю...

Глава шестая

ХОЗЯИН КРУТОЙ ВЕРЕТИИ

1

От Егора Бережного до конца войны не было вестей. И вдруг он нагрянул сам в желтом полушубке с офицерскими погонами на плечах, загорелый, могучий, пахнувший ветром, прямо в Сузём, к Макоре. Та почувствовала себя в богатырских Егоровых объятиях беспомощной маленькой девочкой. Смогла только проговорить:

– Где же ты пропадал, Егорушка?

А он носит её по комнате, смеётся, целует, щекоча пушистыми усами, говорит:

– Где бы ни пропадал, нынче уж я у тебя...

Эти часы и дни Макора назвала самыми счастливыми для себя. Она, казалось, забыла обо всём, только и жила Егором и своим счастьем.

И Бережной не заметил, как пролетела неделя. На вторую неделю он вдруг почувствовал, что чего-то ему не хватает. Чего? Дела рукам. Пошел к Синякову. Обнялись при встрече, потолковали о военных буднях, поделились друг с другом воспоминаниями. Егор рассказал, как ему пришлось бедовать в окружении, бродить по вражьи тылам, воевать в партизанском отряде. Разговор перешел на дела сегодняшние. Синяков предложил Егору взять бригаду. Тот согласился и на завтра уже был в делянке. Бригада состояла сплошь из женщин. Они встретили Егора с радостью.

– Нынче, бабы, нам будет житьё! О таком бригадире всю войну мечтали.

Егору бросилось в глаза странное обстоятельство: работали главным образом вручную, даже электропилы были не у всех, многие обходились старой лучковкой, бездействовали трелёвочные лебедки, на нижнем складе, печально опустив длинные шеи, застыли запорошенные снегом погрузочные краны. А люди трудились напряженно, и сил у них не хватало, чтобы справиться с заданием. Егор вечером в конторе сказал об этом Синякову. Тот pokrutil меж пальцами карандаш, как-то кисло вато глянул на нового бригадира и сказал сквозь зубы:

– С кранами этими только морока одна. Людей бы нам побольше, вот это дело...

Со временем Бережной убедился, что первое впечатление не было обманчивым. Синяков не любил техники и боялся её. Это подтвердил и Иван Иванович:

– Пожалел я однажды Синякова, ей-богу. Директор его взял в оборот. Ты, говорит, консерватор, ты антимеханизатор. Сидишь ты на своем Сузёме, как сыч на овине в дневную пору, глаза пялишь, а ни хрена не видишь. А он, Синяков-то, хлопает глазами и впрямь будто сыч. А мужик-то ведь он неплохой. Всю, можно сказать, мочь Сузёму отдал. Как пришел с войны, до её конца скрипел, кряхтел, с бабами воевал, штурмы-авралы всякие устраивал, тянул план. А как тянул? Все деревни на зиму очищал. Держишь топор в руках – в делянку. Как иначе будешь делать, парнечок, лес-то надо. Ну, после войны, к тому времени, как ты пришел, полегчало, вербованные появились. Особенно подбросила рабочей силы амнистия. Не все, конечно, с добром ехали, иные не забывали свои старые ухватки, с теми ухо остро держи. Получат подъемные, одежное барахлишко и – драла. Поверишь ли, находились ловкачи – по три раза в сезон умудрялись завербоваться. Во как, парнёчок! А были и добрые мужики, работяги вроде Бызова. Знаешь его? Те приживаются, в люди выходят. Да вот удивленье: чем больше на лесопункте людей, тем меньше порядку. Машины стоят, план трещит, Синяков с телефона не слезает, донимает район: давайте сезонников дополнительно. А их уж, сам видишь, помещать некуда, бараки переполнены. Как же тут ум повернуть? Ты, может, разберешься, Егор Павлович, человек ты ныне бывалый и по военным погоням высок. Нашему уму что-то не под силу...

– Прибедняйся, прибедняйся, – засмеялся Бережной. – Мужик, брат, всегда мужиком останется, он любит прибедняться... А загадку ты мне загадал, Иван Иванович, правильную. Надо над ней покумекать.

2

Макора увидела Юру в лесу и удивилась, какая нужда занесла сюда человека в длинном городском пальто и в лёгких ботиночках. Она подошла к Юре в тот момент, когда он усердно тер ладонями прихваченные морозом уши.

– Кусается морозец-то, молодой человек?

Юра через силу улыбнулся, стараясь натянуть кепчонку на уши.

– Кусается...

– А что же вы в такой неподходящей одежде?

– Да завхоз говорит, нет ни фуфаяк, ни валенок...

– Странно. Вы зайдите-ка после работы ко мне.

– Хорошо.

Вечером в рабочкоме Макора подробно расспросила Юру о его житье-бытье, о том, как он попал в эти лесные края. Юра, почувствовав материнскую теплоту в её отношении к нему, рассказал обо всём без утайки, он не жаловался и не нюнил, а скорее подтрунивал над собой и над своими злключениями. Макоре парень понравился. Она сказала ему на прощание:

– Приходите-ка вы, Юра, к нам в рабочком почаше. Поможете в культурной работе. Давно молодежь просит литературный кружок в клубе создать, да некому руководить. Вот вам бы...

Юра покраснел до корней волос.

– Смогу ли я, Макора Тихоновна? Одно дело в школе...

– А вы попробуйте, – убеждала его Макора, крепко пожимая ему руку. – И теплую одежду завтра получите у завхоза обязательно. Слышите?

Она рассказала о сегодняшней беседе мужу. Егор, как всегда, помолчал сначала, поскоблил затылок, а потом сказал:

– Синяков только одно и знает – требовать людей. А нешто бы заняться с теми, кто уже

есть. Этого парнюгу я тоже приметил в делянке, толковый, и душа вроде к делу у него лежит. Подобрать бы таких да поучить, из них вышли бы и механизаторы, и бригадиры со временем, и мастера.

– Ты, Егорушка, взял бы к себе Юру. А? У тебя он бы к делу приучился, – замолвила Макора.

– Сразу так и взять, – ответил ей недовольным тоном Егор. – Уж не кажется ли тебе, что у меня рай, а у других ад. Бызов – мужик дельный, с головой и с душой. В его бригаде парнишке не хуже будет. А я по времени посматривать за ним стану, да и ты поглядывай, коли он тебе по сердцу приходится. Не пропадёт, ежели у самого на плечах голова, а не пустая канистра из-под бензина. К Синякову, говоришь, пойти?.. Я бы и пошел к нему. Всё-таки человек, который в былые времена учил меня уму-разуму. Да толк-то будет ли? Скорлупой какой-то покрылся Федор Иванович. В старину, бывало, ломил напролом, был прям да справедлив. И за это ему спасибо. Умел смотреть и на свои недостатки с острой смешинкой. Век не забыть, как он про свою Анфису сказал: «Не кулак, а ещё похуже того...» И с Анфисой разделался, сумел. А теперь вот и новой семьей обзавелся, да ещё какой семьей! А вот окостенел. Отчего с ним эта нелегкая случилась, ума не приложу.

– Просто закис он на одном месте, вот и всё. Въелась в человека многолетняя привычка и верховодит им. И не может он понять, что ныне обстановка новая и условия иные, старинки придерживается. А у нас ни духу, ни умения не хватает направить его на путь истинный. Вот и пугаемся...

Егор посматривал на Макору, любясь тем, как она ловко моет и вытирает полотенцем тарелки, и усы его чуть заметно подрагивали над уголками рта.

– Ты у меня, Макора, сама философия-матушка, ей-богу. Всё объяснишь, всему причину найдешь, да и вывод сделаешь. В нашем отряде комиссар такой был, да и ему, пожалуй, за тобой не угнаться. Не в рабочкоме бы тебе сидеть, а по крайней мере областью управлять...

Макора мягким движением руки легко и точно опустила тарелку на стопку посуды и, взмахнув полотенцем, ударила им Егора по широкой спине.

– Философия насмешек не терпит. Вот тебе, вот тебе, вот...

Дурашливо согнувшись, Егор закрывал голову руками и охал при каждом ударе. Потом внезапно сорвался с места, схватил Макору, поднял её легко, до самого потолка.

– Ну, смиришься или нет?

– Смирюсь, смирюсь...

И когда он стал тихонько опускать жену, Макора изловчилась, обхватила его шею руками и замерла, мягкая и жаркая.

3

Егор ввалился в кабинет к Синякову в тот момент, когда тот вёл очередное телефонное наступление на районные власти, требуя у них людей. Ероша пятерней волосы, беспрестанно дую в трубку, Синяков не принимал в расчет никаких отговорок и объяснений, твердил одно и то же:

– Мне дан план. Понятно? А без людей я план вам не выполню, значит, и мне и вам солоно доведется. Вы подбросьте мне хоть на месячишко душ полсотни, ну на худой конец недели на две. Всё равно сейчас в колхозе работы не ахти что, а у нас они бы и с планом подмогли, и деньгу заколонули... Не полсотни, так десятка два на недельку прошу...

Он устало повесил на рычаг трубку, вытер тылком ладони пот на лбу.

– Здорово, Егор Павлович. Видишь, как приходится за план-то бороться...

– Вижу, крепко ты борешься, Федор Иванович.

Синяков не уловил насмешки, удовлетворительно мотнул головой.

– Приходится...

Егор сел на стул к окну, снял свой трех, положил на подоконник, расстегнул полушубок. По всему было видно, что он пришел не без дела, и Синяков приготовился его слушать, по привычке положив руки на настольное стекло. И верно. Бережной начал разговор. Начал он его так, что Синяков сразу насторожился.

– Помнишь, Федор Иванович, ты меня уму-разуму учил, ну, хотя бы в Новочистях, около поленницы... Помнишь?

– Ты к чему это? Помню.

– А к тому, что нынче мне тебя захотелось поучить. Выслушаешь ли?

– Учи, – усмехнулся Синяков, – ежели тебе приспичило стать учителем. И откуда столько ныне учителей берётся? Всем охота в просветители. Давай выкладывай.

Егор сморщил лоб, насупясь. Потом поднял голову, посмотрел Синякову в глаза.

– Видишь ли, Федор Иванович, тебя мне учить вроде и не приходится. Не я над тобой начальник, а ты надо мной. Но иной раз эту, по-военному сказать, субординацию и отбросить полезно. Неправильная у тебя, Федор Иванович, политика...

Синяков взорвался смехом.

– Даже политика неправильная. Ну, давай, направляй на путь, слушаю...

Он принял нарочитую позу, демонстрируя усиленное внимание. Егора не обидел ни смех, ни поза Синякова. Он продолжал тем же тоном, медленно подбирая слова.

– Дело-то по существу простое, товарищ Синяков. Ты людей в делянки гонишь, а техника у тебя в лучшем случае используется плохо, а то и ржавеет без призора. Отсюда все беды. Оседлай технику – и ты будешь выполнять планы при половинном количестве людей, а может, и того меньше...

Синяков сощурился, забарабанил пальцами по стеклу.

– А ты сам пробовал оседлать?

– Пробовал, Федор Иванович.

– Далеко ускакал?

– Скакать-то надо всем вместе, товарищ начальник, тогда будет толк. Чтоб имелись запасные части, чтоб механика не ждать по неделе, когда он нужен сейчас, чтоб ремонтная база была на уровне...

– Вот то-то и есть. Требовать да диктовать все умеют неплохо. И всем кажется, лишь бы Синяков захотел, всё появится по щучьему веленью. А Синяков и не кудесник вовсе... Не кудесник он, вот в чём вопрос. Понятно?

– Понятно, – как ни в чём не бывало ответил на задиристый вопрос Егор Павлович. – У меня есть предложение, товарищ начальник.

– Что ещё? – насторожился Синяков.

– Ничего страшного, – дрогнул усами Бережной. – У людей давно уж комплексные бригады работают, и, говорят, толково получается, машины и рабочая сила лучше используются, и производительность труда идёт в гору. Давайте и у нас попробуем.

Синяков взял за чем-то чернильницу, посмотрел сквозь неё на свет, пожевал губами, скося глянул на Бережного.

– Опытами заниматься ныне не время. План трещит, а мы будем затеи разные разводить. Вот сезон кончится, тогда и попробовать можно. А сейчас заводить заваруху не время.

– Время, Федор Иванович, – встал Бережной, запахнулся, нахлобучил шапку. – Самое

время. И ежели не на всём лесопункте, то позволь мне попробовать хоть на одном участке.

Синяков тоже встал, начал одеваться, выключил настольную лампу. Постоял у шкафа, глядя в пол.

– На одном-то участке, шут с тобой, пробуй, коли так приспичило. Катай на Крутую Веретню, орудуй там, будь хозяином, поглядим, что получится...

– Значит, подальше с глаз?

– Догадлив ты, Егор, – засмеялся Синяков, гася свет.

4

Крутая Веретня – самый дальний от Сузёма участок. Там одно время работала лесорубческая артель, от неё остались два старых барака, потом к ним пристроились маленькие рубленые домики, в которых жили семейные лесорубы, а в последнее время туда были завезены щитовые дома. Они образовали новую улицу. Чуть поодаль, у ручья, стояла баня, вся в тяжелых ледяных наростах, свисающих из-под застрехи, прикрывающих, будто панцирем, бревенчатые стены. В этот угол, с которым весной и осенью нет ни пешей, ни конной связи, посылали главным образом вербованных, а из сезонников тех, кто приезжал в одиночку. Ни ремонтных мастерских, ни даже примитивной кузницы там не было. Егор обошел поселок, постоял над обрывистым берегом ручья, теребя кончик уса.

– Попробуем и здесь, – сказал он вслух и зашагал вдоль поселка. В конце улицы было несколько ещё не занятых щитовых домов. Егор выбрал один из них под своё жилище.

«Неужели опять придется с Макорой врозь жить?» – сокрушенно подумал он. Но преждевременная его печаль была напрасна. Макора сама первая сказала, что как бы трудно ни было с переездами до Сузёма, она жить будет на Крутой Веретни, у Егора.

– Каждый день ездить? – удивился Егор.

– По хорошей дороге час езды, – улыбнулась Макора.

– Обитать в этом щитовом дворце?

– Люди живут.

– Так дак так...

Егор в душе был очень доволен, хотя и не показывал виду. А когда Макора вымыла, всё прибрала, украсила простенки вышитыми полотенцами, повесила занавески на окна, квартира в щитовом домике показалась Егору уютной.

Лесорубы по-разному отнеслись к приезду Бережного. Одни облегченно вздохнули, надеясь, что нынче придет конец простоям машин, поломкам электростанций. Другие, кто ухитрился, пользуясь аховыми порядками, зашибать большую деньгу, не без ехидства приговаривали:

– Не первый и не последний. Бывало. Орлом прилетали, да мокрой курицей задавали тягала.

А были и такие, кто просто не заметил приезда нового мастера – не велика шишка, перешагнешь, не запнешься.

Егор понимал, что при существующей обстановке надеяться на легкий успех нечего, и приготовился к длительной и упорной борьбе. Он обошел все делянки, побеседовал с лесорубами, постарался уразуметь, кто чем дышит. Прикинул, где наиболее слабые места, нуждающиеся в особом внимании. Среди лесорубов участка оказалось пять комсомольцев и два кандидата партии. Бережной пригласил их к себе.

– Как житьё, други? – спросил он.

– Веселее не надо, – откликнулся один, лохматя пятерней давно не чесанную голову.

– С лучковой танцуете, веселитесь?
– Так у нас же ПЭС-120. Сто двадцать раз в день свет гаснет. Лучковка надежнее, её своим паром в ход пуцаешь...
– А кронштейны ломаем?
– Было дело, а теперь ничего, нам уж их не дают, говорят, все приломали.
– Толково. Тракторы на приколе? Без подшипников?
– Точно.
– А чем же это всё объяснить?
– Так Крутая же Веретия. Васька Белый говорит: «Ваш участок особь статья, места не столь отдаленные...»

– Ясно. Приметил я, что в этих не столь отдаленных местах у вас дело поставлено так: вальщики сами по себе, трелевщики сами по себе и трактористы сами по себе. Полная, так сказать автономия. Вальщики дуют, не оглядываясь на трелевщиков, трелевщикам не интересно, чем живут трактористы. И получается: то возить нечего, то лес остается в делянке, засыпается снегом. Так ведь?

– Оно так...

– Сломать надо этот негодный порядок, товарищи. Для этого я вас и позвал.

Лесорубы переглянулись, поскоблили в затылках, потупились. У кого-то вырвалось:

– Ломать – не строить, ни хрена не стоит...

– На вашу помощь надеюсь, – продолжал Бережной, пропустив мимо ушей ядовитую поговорку. – Попробуем на первых порах создать две бригады: от пня до катища. Попытка не пытка, попробуем, нельзя ли согласовать и валку, и трелевку, и вывозку. Заранее говорю: без вашей помощи ничего не сделать. А ежели вы возьметесь дружно, дело будет. Ну как?

– Да мы привычные. Была бы работа, руки найдутся...

– Рук, братцы, мало. По себе знаю, испытано. Без головы от рук польза не велика...

Сколотили бригады, распределили обязанности, составили график. Нельзя сказать, чтобы начало окрылило. Первые дни бригады работали не шатко не валко. Люди на Крутой Веретии давно разуверились в возможности что-либо изменить: как идёт, так и пойдёт. Не раз бывало и тут пытались вводить разные новшества, да всё напрасно. Сперва пошумят, а потом остынут и махнут рукой. Так, казалось, будет и нынче. Егор чувствовал, что опустит он руки, дай слабинку – и всё порушится. От звезды до звезды он находился то в делянках, то на лесовозной трассе, то на катище. Пускал в ход доброе слово, личный пример, а случалось, и густой бас. Польза была, хотя и не очень заметная. Не сразу появилась и поддержка. Коммунисты и комсомольцы на первых порах ещё проверяли его: что за человек, можно ли ему верить. Постепенно вера появлялась, люди убеждались, что за дело Бережной берётся не шутя.

К концу месяца одна бригада выполнила задание, другая немного отстала. Но когда подсчитали выработку на человека, ахнули: две бригады сделали куда больше, чем все неорганизованные лесорубы и возчики. Зато «неорганизованные» взвыли. У многих из них резко упали заработки. Суть в том, что исчезла, как тут говорили, «левая халтурка». Раньше занесет снегом лес в делянках, и начинается аврал; день, два и три откапывают его из-под глубоких сугробов. А платят за это аккордно и денег обычно не жалеют. Иной раз за день зашибут такую деньгу, что не надо гнуть спину неделю. Или произойдет авария с тракторным поездом в пути – опять аврал, опять шальные деньги. Чем больше аварий и происшествий на производстве, тем выгоднее любителям «левой халтурки». Побочные приработки, легкие и прибыльные, были, пожалуй, главной статьей доходов многих жителей Крутой Веретии. И вот эти доходы стали исчезать. Пошел по участку глухой ропот. Егор слышал его, но не при-

давал ему значения.

Однажды на участок приехал завхоз Фишка. Он привез стекло для рам да тюфяки в общежития. Походил по баракам, пошептался с лесорубами. Появился в Егоровой конторке.

– Поклон земляку.

– Будь гостем, Афиноген.

– Гостить-то у тебя, Бережной, невесело.

– Отчего так?

– Да, вишь, лесорубы на тебя жалуются, заработки ты у них отбиваешь, обижаешь мужиков.

– Бедные сироты, – усмехнулся Бережной.

– Сироты не сироты, а ребята недовольны.

– Какие ребята?

– Поди, сам поговори. Не дело это, Бережной...

Егор смерил Фишку прищуром.

– Вот что, Афиноген Мизгирёв. Ты в заступники не суйся. Без тебя разберемся, ежели что... Рвачам потакать нечего...

– Да что ты, Егор Павлович, – заюлил завхоз, – о каких ты рвачах? Я их совсем и не знаю.

– Вот и хорошо. Давай накладную.

Завхоз торопливо выгреб из кармана мятые бумаги. Егор без слов забрал их, дал Фишке расписку на принятые материалы. Завхоз угодливо раскланялся. Егор еле кивнул ему.

5

Фишка в тот день в Сузём не уехал. В щитовом домике сидел он до полуночи один-одинешенек у стола, на котором стояла пустая бутылка. Фишка был трезв, он не любил вино и редко к нему прикладывался. Завхоз ждал своего нетрезвого собутыльника, ушедшего к Бережному. Фишка отговаривал приятеля.

– Чего ты к нему попусту пойдешь, не знаешь его, ведь это дубовый кряж. Пострадать бы его следовало, чтобы знал сверчок свой шесток. Да не тебе это делать. Ты супротив него – сушая мокрица. Выпроси денег и – дело. Этим пример другим дашь. Навалятся на него мужики за авансами, раз выдаст, два выдаст, на третий раз догадается, что лучше «левую халтурку» допустить, чем авансы без отдачи выдавать. Понятна политика?

Понятна ли, нет ли политика пьянчужке, он ушел, сжимая в потных ладонях железный болт. Фишка остался ждать его. Он курил, пуская к потолку ровные колечки, а на душе было беспокойно. Чёрт его знает, как там обернется дело.

Время тянулось медленно и нудно. Фишке стало душно в пустой комнате. Он нахлобучил шапку и вышел на улицу. Там стоял, прислонясь к крылечному столбу, вглядываясь в темноту. Вздрогнул, когда за сугробами замаячила нетвердо шагающая фигура. Заспешил ей навстречу.

– Ну что? – тревожным шепотом спросил он.

Ответа не последовало. Пьяный молча взобрался на крылечко, нырнул в темноту сеней, а зайдя в комнату, в чём был плюхнулся на койку.

– Ты чего это раскис? – испуганно спрашивал Фишка, предполагая худшее.

– Ну ты к дьяволу, – огрызнулся приятель. – С эким бугаем разве сладишь. В дугу согнет...

Фишка успокоился и дал выход злости за свою трусость, от которой битый час дрожали

подколенки.

– Эх ты, дохлая мокрица, – измывался он над приятелем. – А еще хвастал: «Я да мы, на медведя хаживали». А увидел Егорову дулю и скис.

Приятель молчал, отвернувшись к стене. Фишка, кряхтя и бормоча ругательства, тоже стал укладываться. И здесь, на Крутой Веретии, Фишкин авторитет покачнулся. Давно ли на завхоза смотрели во все глаза – что сказал Фиша, то и будет. Да кончилась, видать, масленица. Заснул он в удрученном состоянии. Снился медведь с кулаками Егора Бережного. Тяжелые кулаки, чёрт бы их побрал... Фишка скрипнул зубами.

Глава седьмая

В СУЗЁМ ПРИЕХАЛ ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

1

Синяков упрямо крутит ручку телефона, дует в трубку, кричит: «Леспромхоз, леспромхоз!» Никакого отзвука. Старый настенный телефонный аппарат висит как-то косо, под нажимом мощной руки весь его деревянный футляр содрогается и, кажется, готов рассыпаться. Синяков яростно кидает трубку на рычаг, снова схватывает и донимает телефонистку:

– Да ты соткни там как следует-то, пигалица. Небось, сунула кое-как... Ну-ну, не оправдывайся, знаю я, привыкли вы щебетать про свои бантики-фантики... Соединила?

Он опять начинает крутить телефонную ручку столь прилежно, что в аппарате раздается визг. Все попусту. Уверившись в этом, Синяков вытирает лоб и кладет на треснутое настольное стекло свои узловатые кулаки.

– Чертова игрушка, а не телефон, – говорит он уныло.

Иван Иванович посматривает на него с усмешкой.

– Заменял бы ты, ей-богу, начальник, эту крутилку. У всех аппараты любо посмотреть, новенькие, удобные. Крутнешь – звук мягкий, а у тебя что таратайка грохочет – и толку нет. На одном гвозде висит и тот ржавый, того и гляди оборвется.

Синяков пытается выровнять аппарат на стене, ищет глазами на столе, на подоконнике, нет ли гвоздя. Гвоздя не находится, и он решительно берет карандаш, втыкает его в старое, оставшееся от потерянного гвоздя отверстие.

– Повисит ещё и этот, добро...

Синяков берет список запасных частей, привезенных Иваном Ивановичем. Хмыкает.

– Ишь, расщедрились после-то дела! Сперва Синякову строгий выговор, а потом запчасты. Умники...

– Дмитрий Иванович сказал, что он сам на днях приедет в Сузём, – сообщил мастер. – Посмотрю, мол, как там машины используются.

Синяков забарабанил пальцами по стеклу.

– Пушай приедет. Посмотрим, какой он перелом совершит. День-два покрутится, да и обратно укатит. А ты тут расхлебывай, пока следующий выговор не получишь...

Он вздохнул, сложил бумаги со стола в ящик, натянул шапку и, не глядя на мастера, вышел. Иван Иванович тоже вздохнул, только по-иному, закрыл кабинет начальника на ключ и захромал, пошел в механические мастерские.

– Получили запчасты? – спросил он первого встретившегося слесаря. Тот свистнул и выразительно развел руками.

– Скор ты, Иван Иванович. Как же их получишь, пока они месяца на складе не пролежали?

– Ну, ничего, ребята. Митя скоро сулится приехать, может, толк будет...
– Митя Бережной? Он что, сам тебе говорил? – откликнулся из угла механик, сверкнув зубами. – Это дело, кабы приехал...

2

Заглазно по старой привычке его всё ещё называли Митей, хотя при обращении величали почтительно Дмитрий Иванович. В Сузёме не бывал он давно. После войны заглянул только раз, проездом. Всё некогда. А хотелось пожить в этом далеком лесном углу, который в воспоминаниях остался родным и милым. Правда, из старых друзей на Сузёме никого не осталось: одних раскидала война, иные подались в другие места. Кто там? Дядя Егор да Иван Иванович. Дмитрий улыбнулся, вспоминая недавнюю встречу со старым мастером.

На леспромхозовском складе Иван Иванович с Юрой получали запасные части. Попался очень тяжелый ящик, и Юра никак не мог поднять его на высокий воз. Иван Иванович суетился, прихрамывая, силился подсобить, да помощь, видать, от него была невелика. В это время подошел Дмитрий и, подхватив рукой за угол ящика, помог водрузить его куда следует.

– Слабоват из тебя помощник, Иван Иванович, – сказал Дмитрий.

Мастер обернулся. Он увидел высокого мужчину в черном полушубке с курчавым воротником и в такой же курчавой шапке. Лицо будто знакомое и в то же время незнакомое.

– Здравствуй, мастер, – протянул Дмитрий руку.

– Здравствуйте, – не очень уверенно ответил старик. – Что-то не признаю вас...

– Ах, Иван Иванович! Или твоя память девичьей стала? Помолодел, видно...

Старик ахнул и кинулся к Дмитрию, обхватив его руками.

– Митя! Митяшка! Каков стал, елки-палки...

Он внезапно осекся, ощутив пустой рукав Митино полушубка.

– Извини, Митрий Иванович, по-стариковски я... Ишь, какое дело.

Встреча с мастером разбередила сердце Дмитрия. Вспомнились прошлые довоенные годы, горести и радости счастливой и теперь уже такой далекой поры. Да, сколько воды утекло! На войну уходил ещё комсомольцем, а теперь вот инвалид, инженер. С фронта домой он вернулся капитаном, оставив в боях у озера Балатон руку. На первых порах растерялся, загрустил. Пробовал подступиться к киноаппарату – ничего не вышло. С Пашей Пластининым, тоже инвалидом, надумали поступить в лесотехнический институт. Их зачислили на подготовительные курсы, а потом они стали студентами. Пять долгих зим сидели за книжками, спорили на семинарах, волновались перед столом экзаменаторов. В летнюю пору выезжали на практику в опытный леспромхоз. Там бывали и мастерами, и экономистами, и техноруками лесопунктов. И вот Павел Пластинин директорствует в другом леспромхозе, в родные края ему попасть не удалось. А Дмитрию Бережному судьба улыбнулась: его направили в леспромхоз, который он с детства считал своим.

Отправляя мужа в Сузём, Валя хлопотала весь день, готовила ему теплое белье, шерстяные носки, напекла пирожков да ватрушек. Всяким дорожным добром набила полный чемодан. Дмитрий так и крикнул, когда увидел этот чемоданище.

– Валюша! Да ты что? На северный полюс меня отправляешь, никак...

– Запас не тяготит, Митенька, – виновато ответила жена.

Он решительно отодвинул чемодан.

– Не дури, жёнка. Выгружай всю эту благодать, никакого мне чемодана не надо, обойдусь без него.

Взял свою старую полевую сумку, сунул в неё мыло да полотенце, обнял жену.

– Кланяться нашему Сузёму?

Она гладила его по щеке, не отпускала от себя.

– Поклонись, особенно той дорожке, к реке...

Уехал. Валя вздохнула и стала разбирать набитый до отказа чемодан.

3

По знакомому поселку Дмитрий Иванович шёл с чувством горечи и досады. Надо же так все запустить! Ну, скажем, была война – это понятно. Но уж прошло достаточно времени, как она окончилась, можно бы всё привести в порядок. Видать, нет тут, в Сузёме, настоящего хозяйского глаза.

В конторе лесопункта, кроме лысого счетовода, никого не было. Дмитрий спросил, где начальник. Счетовод раздумчиво почесал блестящую лысину концом карандаша, ответил сипловатым дискантом:

– Да кто же его знает, где он. – Подумал, склонив голову набок, оценивающе оглядел посетителя с ног до головы, добавил: – На производстве, надо быть, где ж ещё. В делянке...

Дмитрий Иванович заглянул на нижний склад леса. Там на эстакаде возились грузчики и раскряжевщики. Поодаль, среди размятой поляны, стоял трактор с толкачом. Мотор у него глухо урчал, казалось, трактор недоволен бездействием, сердится. У снегозащитного заборчика прикорнул тракторист. Он курил. Воротник полушубка поднят, шапка нахлобучена на самый нос. «Озяб бедный», – пожалел Дмитрий Иванович тракториста, тронул его за плечо.

– Простуду схватишь, приятель.

Тракторист неохотно поднялся, поежился.

– Тут не только простуду – холеру всмятку схватишь...

– Долгонько полеживаешь?

– Да уж долгонько.

– И толкач вхолостую горючее переводит?

– А позаводи-ка перед каждым возом, умаешься, – сердито глянул тракторист и полез в кабину.

Из-за поворота послышался гул машины, вскоре показался воз с «хлыстами», как называют лесорубы срубленные нераскряжёванные деревья. Машина остановилась против эстакады, трактор, будто ретивый козел, нацелился своим толкачом в бок воза, разбежался и с ходу ударил. Деревья, что спички, посыпались комлями на эстакаду. Вторым заходом трактор скинул с прицепа вершины. Раскряжевщики и сортировщики принялись за дело. Тракторист отвёл свою машину на старое место, слез и стал доставать папиросу.

– Опять на отдых? – насмешливо спросил Дмитрий Иванович.

– Не говорите, – махнул рукавицей тракторист.

С эстакады заметили приезжего незнакомого человека, стали приглядываться, кто он такой. Может, начальство какое? Дмитрий Иванович услышал голос, показавшийся знакомым.

– Мужики, гляньте-ко, не Митя ли Бережной там?..

– Какой еще Митя? Не твой ли, Дуня, хахаль?

– Вот некошной! Кругом тебе хахали... Киномеханик Митяшка Бережной, говорю...

– Добро, кино посмотрим...

– Так он, слышно, нынче главным инженером в леспромхоз назначен...

Рабочие воткнули в снег аншпуги, оставили пилы, остановились в ожидании. Не успел Бережной подойти, его окружили и засыпали жалобами. Он зажал уши.

– Ничего не слышу, ничего не понимаю. Зачем же хором, у вас не клубная самодеятельность. Кто-нибудь пусть один.

Женщина с лицом, красным от мороза, круглая в своей ватной фуфайке, что копна сена, вежливо поклонилась Бережному.

– Я тебя признала, Митрий Иванович. Меня ты тоже мог раньше знать. Петялина я, Дуня. Ну, нынче-то уж какая Дуня? Была Дуня, стала Овдотья, – усмехнулась она не без грусти. – Так вот от нас к тебе...

Она после небольшой паузы произнесла протяжно, почти нараспев трудное для её языка слово:

– Пре-тен-зи-я...

– Ну что ж, давайте вашу претензию, послушаю.

И опять наперебой загомонили хором. Бережной замахал руками. Петялина строго прикрикнула:

– Уймись!

Видно было, что с ней считаются. Замолчали. Она ровным голосом обсказала главному инженеру свою доуку. Вот ввели на мастерском участке у них хлыстовую вывозку, и все рабочие эстакады завыли голосом. Не работа, а одна волынка. Вozy поступают через пень-колоду, можно выспаться от одного до другого. Вывозка производится без кроны, стало быть, за очистку сучьев они не получают. А на деле «хлысты» привозят почти наполовину с сучьями. Вот и выходит, что топором маши, а заработаешь гроши. Синяков разводит руками, мол, не он эту новинку вводил, не ему и разбираться, он сам, мол, человек подначальный, прикажут – делает.

– Вот того козла поставили, – Петялина указала на трактор. – Большую половину времени он стоит без дела, только зря бензин сопёт, а заработок у нас отбивает...

– Как же это он у вас отбил заработок?

– А так просто. Раньше-то мы вручную разгружали, на расценки Синяков, грех сказать, не скупился. Выгоняли за месяц – хоть в мешке бумажки уноси. А нынче и в карман нечего положить...

Тут снова начал хор. Были и такие выкрики:

– Бросим всё, не будем спину гнуть за красивые глаза...

Бережной слушал внешне спокойно, только жила на виске учащенно билась. Он поднял руку.

– Вот что, товарищи, идите на работу. Постараемся разобраться. Думаю, что найдем правильное решение.

Рабочие, явно не удовлетворенные, нехотя отправлялись на эстакаду. Бережной слышал отдельные возгласы:

– У них всегда так. Обещают да забывают.

– Ему что! У него зарплата обеспечена...

Авдотья Петялина задержалась, сказала Бережному:

– Ты не думай, Митрий Иванович, это они так. Погломнят да улягутся. А разобраться, ей-богу, надо. Я-то тебя знаю, думаю, не попусту приехал...

4

Синякова он в этот день так и не смог разыскать. Конторские служащие многозначительно переглядывались. Дмитрий Иванович не мог этого не заметить, и смутная догадка закралась ему в душу. «Ладно, шут с ним. Поживу, увижу», – сказал он себе и направился в

комнату для приезжих. Но по пути заглянул в старый, ещё довоенный барак, в тот самый, где помещался Юра. Картежники, завидя приезжего человека, внешне похожего на начальство, ловко смахнули со стола карты и деньги, сделали равнодушные лица.

– Сумерничаем? – спросил Дмитрий Иванович.

– При нашей электрификации не хочешь, да засумерничаешь, – ответили с нар. Две копилки с отражателями в том и другом конце барака бессильно боролись с густым мраком, уплотненным ещё облаками табачного дыма.

– Да, неяркое у вас сияние.

Дмитрий Иванович прошел вдоль барака. Против окна кто-то приподнялся на топчане.

– Подойди-ко сюда, гражданин начальник, я тебе слово скажу. Глянь-ко, это что?

В пазу курчавился инеек.

– Это безобразие, – сказал Дмитрий Иванович.

– А это?

Человек сошел с топчана, пошарил под ним рукой и легко вынул одну из ножек. Топчан накренился.

– Безобразие и это, – подтвердил Бережной.

– Так кто же эти безобразия допускает? – не без ехидства прищурился собеседник.

– Кто допускает, тот ответит, – твёрдо сказал Дмитрий Иванович и, глядя прямо в лицо собеседнику, продолжил: – А вам, товарищ, я посоветовал бы взять в руки топор, приладить ножку покрепче, а то, не ровен случай, свалитесь во сне, бочок ушибёте...

Барак взорвался смехом. Из-за печи выглянул Бызов, недоуменно вытарашил глаза.

– Что тут за спектакль-комедия?

Узнав, в чём дело, Бызов широко осклабился, выкатился на середину барака, огромный, весь разрисованный.

– Вы, товарищ начальник, ошиблись, – сказал он. – Васька Штык к труду не привык. Он иной раз, прежде чем кусок ко рту поднести, прикинет: а не полениться ли...

Дмитрий Иванович улыбнулся. Обратив внимание на замысловатую татуировку, он помотал головой.

– Шикарно же вас разукрасили...

Бызов сделал жест, как бы говоря: ещё бы! Потом снял с гвоздя китель, надел, наглухо застегнул его, сел на табурет.

– Всяко бывало, – сказал он, потупясь. – Раз наглупишь – сто десять раз покаешься.

И уже другим тоном спросил:

– Вы кто будете, товарищ? Может, из леспромхоза или из комбината? Так надобно бы с вами потолковать о деле...

Один за другим с топчанов поднимались люди, присаживались вокруг стола. Юра перед приходом Дмитрия Ивановича уже уснул. Громкий шум и смех разбудили его. Он спросонья не совсем понимал, что тут происходит. Среди рабочих сидит человек, которого он где-то видел. Где? Постой, да это тот, кто помогал поднимать на сани ящик там, у склада леспромхоза. Это главный инженер, о ком так много рассказывал Иван Иванович. Юра тоже встал и подошел к столу, где сгрудились почти все барачные жители. Разговор был горячим. Говорили о бытовых условиях, о производстве, о зарплатах. И получалось так, что все новшества в организации производства, введенные за последнее время, приносили будто бы снижение зарплаток. И хлыстовая вывозка, и поточные бригады, и тракторная трелевка – всё словно для того и вводилось, чтобы снизить выработку и уменьшить оплату труда рабочих. Дмитрий Иванович пытался понять, где тут корень зла, но люди столько говорили и верного

и неверного, что разобраться сразу во всей этой путанице не было никакой возможности. Бережной не хотел ни обещать, ни уговаривать, понимая, что тут нужны не слова, а действия. Он решительно встал и направился к выходу.

– Вот что, – сказал он начальническим тоном, – выделите двух-трех человек потолковее. Пусть они придут ко мне завтра после работы, поговорим серьезно. Идет?

– Да мы что, пожалуйста, хоть все заявимся. Где вас искать-то?

– Пусть приходят в кабинет товарища Синякова...

5

Утром Синяков пришел в контору хмурый, с помятым лицом. Здраваясь с Бережным, не глядел в глаза.

– Ну вот и ладно, – говорил он, счищая ногтем застывшую каплю клея с настольного стекла. – Добро, раз главный инженер заявился. Может, и наладит у нас дела. Рабочих нам подбросят, Дмитрий Иванович? Или одними выговорами планы будем выполнять? Как там высшее-то начальство соображает?

Бережной не принял вызывающего тона, ответил деловито, просто.

– Я думаю, мы соберем мастеров, бригадиров и кое-кого из передовых рабочих, посоветуемся. Вы как думаете, товарищ Синяков?

– Да собрать не мудрено, – поморщился начальник. – Поболтать на собрании все любят. Кабы от этого кубометры увеличивались, тогда и совсем добро бы...

Бережной опять пропустил мимо ушей иронию начальника.

– Значит, договорились. Сегодня вечером. У вас здесь?

– Можно и у меня, – великодушно согласился начальник и вздохнул.

Длинно, назойливо зазвонил телефон. Синяков снял трубку.

– Откуда? Кривая Берёза? Чего у тебя?

Слушал долго, изредка продувал трубку и бросал в нее отрывисто: «Ну... Давай... Дальше...» Под конец разговора сказал:

– Не хнычь, горе какое. Вот тут у меня сидит главный инженер, он наладит. А как же! Это у нас с тобой ни хрена не выкручивается... Сказал, не шебарши, хватит...

Он резко трижды крутнул ручку для отбоя.

– Ты завтракал ли, Дмитрий Иванович? – спросил он неожиданно.

– Да стакан чаю с печеньем выпил, – ответил Бережной.

– Так пойдем ко мне, накормлю. А, то ещё истощаешь тут, с меня спросят, скажут, довел человека...

Домик Синякова стоял на окраине поселка, над речкой. Плотно сбитый, чистенький, он весело белел наличниками окон. Сквозь морозные узоры виднелась зелень на подоконниках. Даже атели цветы. В комнате было полно ребятишек. Они выглядывали из-за стульев, высывали головы в дверь из другой комнаты, прятались за занавеской, под швейной машиной, меж кроватью и комодом.

– Это что, всё ваши? – не удержался от вопроса Дмитрий Иванович.

Лицо Синякова будто озарилось, глаза потеплели.

– Мой колхоз, – сказал он, обводя комнату растопыренными руками. – Не знаю уж, откуда они и берутся, из щелей, видно, вылезают, как тараканы. Цыц вы! Айда на кухню! – прикрикнул он на ребят, но таким добрым, таким хорошим голосом, что Бережному показалось, что это прикрикнул кто-то другой.

Синяков собрал на стол, поставил миску рыжиков, мелких-мелких, таких аппетитных,

что Дмитрий Иванович сглотнул слюнку. Хозяин нерешительно покрутился около шкафчика, вопросительно поглядывая на гостя. Но тот будто не замечал красноречивых взглядов. И хозяин с грустью отвел глаза, с сокрушенным видом сел на табурет к столу.

– Кушай, Дмитрий Иванович, подкрепляйся-ка, – без энтузиазма стал потчевать он гостя. – Рыжики-то пробуй, сам собирал, кажись, недурные. Да что рыжики! В сухом рту у них не тот вкус...

– Великолепные грибочки! – хвалил гость, а намек будто и не коснулся его ушей.

Синяков понял бесплодность своей дипломатии, решительно открыл дверцу шкафа, налил из бутылки полстакана и залпом осушил.

– Тебе я не наливаю, знаю, что с утра пить не будешь. А меня не обессудь, – сказал он, принимаясь за грибы.

Бережному хотелось отчитать его, человека пожилого, многосемейного, пристыдить. Но он сдержался. Однако, чтобы не дать Синякову продолжить начатое, заспешил уходить и позвал хозяина.

– Посмотрим участки.

– Чего же, посмотрим. Машину возьмем?

– У вас есть легковая?

– Какое! Фургон развозочный...

– Стоит ли гнать? Доберемся на попутчих.

– Как знаете....

Синяков чуть захмелел, но ему этого было явно мало, и он порывался открыть дверку шкафа, да все неудачно: плечом к ней прислонился Дмитрий Иванович. Поняв безнадежность попыток, Синяков шагнул к порогу.

Глава восьмая

СВИДАНИЯ У МОСТА

1

Юра обычно ждал свидания у моста через речку Болтушку, пересекающую поселок на две части. Вначале Нина приходила с подругой и делала вид, будто нечаянно встречает молодого человека, идущего по своим делам. Но, по странной случайности, каждый раз путь девчат и этого паренька совпадал: они шли в клуб, и он в клуб, они – в рабочком, и у него находилось неотложное дело в рабочкоме, они спешили в соседний поселок к подругам, и его, оказывается, в том же поселке ждут не дождутся друзья. Потом почему-то подруга перестала сопровождать Нину, так что Юра даже спросил, не поссорились ли они. Нет, ссоры не произошло, но подруга страшно занята. Была занята вчера и сегодня, будет занята завтра. Удивительно деловой человек эта Нинина подруга. Что ж, Юра доволен, пусть бы у неё не переводились хлопоты. Нина – девушка живая, веселая, с ней, ей-богу, не скучно и без подруги.

Влюбился ли Юра, он этого не знал. Вернее, он убеждал себя, что его сердце твердо, как серый булыжник, и недоступно для стрел амура. Ведь он не какой-нибудь мальчишка, а закаленный морозами лесоруб, ему всякие нежности да фигли-мигли не к лицу. И если ходит он к мосту через Болтушку, так только потому, что Нина – девушка развитая и с ней интересно

поговорить. Она много читает, любит классиков, увлекается современными романами. К тому же, Пчелка зажгла в ней интерес к музыке. И когда Нина присаживается в клубе к пианино, Юра слушает её игру с удовольствием. Он сидит, облокотясь на столик, полузакрыв глаза, а она среди игры нет-нет да и взглянет на него. Он даже волнуется, как бы она не сбилась из-за тех взглядов. Но всё это, конечно, ничего общего не имеет с влюбленностью. Могут же парень с девушкой дружить и без всяких сиропных сладостей. Так думал Юра. А почему порой даже в тот, совсем уж не подходящий момент, когда покорная его воле и силе вековая сосна начинает медленно падать, содрогаясь пушистой вершиной, и ему бы следовало, согласно правилам техники безопасности, отбежать в сторону, он забывал эти правила? Правила забывал, а вспоминал вместо них Нину, и ввиду этого его напарнику Бызову приходилось яростно кричать:

– Уходи, чего ворон считаешь!

Почему он может Наташу и Веру и всех Марусек и Клавочек не видеть хоть день, хоть два, хоть тридцать дней подряд, а не увидев её, Нину, вчера, он сегодня будет весь день ходить сам не свой?

Почему во внутреннем кармане Юриного пиджака, там, где он хранит комсомольский билет, лежит маленькая любительская фотография – не чья-нибудь, не Сашина и не Машина, а опять той же самой Ниночки, кстати сказать, не такой уж писаной красавицы?

Почему?.. Таких почему могут быть десятки, а ответа мы так и не получим, ибо Юра на вопрос всё равно не ответит, а кто же другой ответить в состоянии?

С того времени, когда Юра впервые увидел «мальчишку в ватнике», прошел всего лишь год, а ему кажется, что по этой тропочке у моста ходил он всегда и быть того не может, чтобы перестал ходить. Мороз ли скрипит под ногами, вьюга ли бьет в лицо, или, наоборот, весеннее солнышко косыми лучами пронизывает раскидистые кроны сосен, в привычный вечерний час Юра Лычаков шагает мимо моста по откосу речки Болтушки, и остроязычные сверстницы уверяют, что по его шагам они проверяют часы с не меньшей точностью, чем по радиосигналам.

Сегодня вечер тих и ясен. Морозец пощипывает щеки. Юра медленно, с беспечным видом проходит мимо моста раз, проходит другой, третий и четвертый раз. За ним с коника крыши соседнего дома наблюдает озябшая, нахохлившаяся ворона. Наконец и она не выдерживает, во все горло каркает и перелетает на трубу, поближе к теплу. Юра без интереса смотрит на ворону, а сам думает: «Что же это такое? Долго ли мне тут бродить? Где Нина? Где она? В самом деле, где она?» Трудно понять, что такое происходит на свете, если первые девушка вдруг вовремя не придёт. Сначала не веришь, смотришь на часы, прикладываешь их к уху, напряженно вглядываешься вдаль. Потом начинаешь понимать, что ждать бессмысленно, строишь тысячи догадок, ища причину. В сердце вместе с горечью возникает беспокойство. Еле сдерживаешь себя, чтобы не пойти к ней домой. И вдруг неизвестно откуда, вползает в голову ядовитая мысль, что это не случайно. О нет, не случайно не пришла она сегодня. Ты тут ходишь, а она смеется над тобой... Что если она сейчас другому показывает на тебя пальцем и говорит заливаясь: «Смотрите, шатается взад и вперед...» Наверно, так и есть, они легкомысленны, эти девчонки. Страдай, мучайся, а им и горя мало, только хаханьки на уме.

В ту ночь Юра почти совсем не спал, так что Бызов назавтра даже спросил:

– Ты что, парень, не заболел ли? Лица на тебе нет...

Юра отмолчался. А следующую ночь спал он отлично, так как свидание состоялось и виноватый Нинин вид заставил всё забыть и все простить. С тех пор и ещё случались недора-

зумения, но каждый раз Нина мягко и легко рассеивала их. А вот чем дальше, тем всё больше и больше беспокойство овладевало Юрой. Он стал замечать какие-то странные перемены в девушке. Она становилась менее живой, начала поддаваться непонятной грусти, иной раз смех её казался Юре искусственным, нарочитым. Она стала как бы избегать встреч, отказывалась идти в кино, редко и неохотно подсаживалась к пианино. Юра ломал голову, силясь понять, что с ней происходит. Спросил её как-то к слову, но она замкнулась, прикусила губу и ушла, вяло попрощавшись.

2

Нина опять не появилась около моста. Третий день подряд! Не жестокость ли с её стороны? Пересиливая свою мужскую гордость, Юра зашагал по измятой тракторами улице к домику, где жила Нина с матерью. Странная всё-таки у Нины мать. Называет себя Дореттой, хотя за глаза в поселке все её зовут подлинным именем – Федора. Одевается она не по возрасту пёстро и, как говорят злые языки, «жалеет мануфактуры»: зимой она щеголяет короткими рукавами и тонким капроном со стрелой на красивых икрах.

Вот и щитовой домик с двумя широкими окнами по фасаду, приземистый, будто вдавленный в сугроб, с широкой толевой крышей. За морозным узором окна шевельнулась тень. Может быть, Нина? А что Нина? Зачем ты, по какому праву к ней пойдешь без приглашения, неожиданный? Ноги сами прошагали мимо, потом они завернули обратно, но тени на окне Юра не увидел. Так он и не узнал, дома Нина или нет.

А если бы узнал?

Если бы узнал...

Доретта оказалась в трудном положении. Всё чаще и чаще она стала замечать, что Фиша начинает охладевать к ней. Уж давно он не приносил конфет в коробке, перевязанной розовой лентой. Сколько этих лент хранится у неё в малом ящике комода и всё розовые! А пополнения не поступает. И чулки с ажурными стрелками поизносились, а новых не видно. Сам приходит редко. Когда же приходит, видно, что скучает. Отчего бы это? Доретта вздохнула. Неужели перестала нравиться? Она нерешительно подошла к зеркалу. Нет, опасения, пожалуй, напрасны. Любуясь собой, она приклонилась ближе к зеркалу и тогда заметила лучики морщинок около глаз и близ уголков губ. И цвет волос не тот...

«Вот ведь каковы они, мужчины, – подумала Доретта, – пока была хороша, души не чаял, в вечной любви клялся. А чуть заметил морщинки...»

Дверь скрипнула. Вошел Фиша. С ветру он был румян, как пион. Небрежно кинул на кровать мерлушковую шапку. Мимоходом перед зеркалом поправил желтый галстук, наклонился к Доретте, небрежно чмокнув её в щеку.

– Почему долго не был? – капризно надула та губки.

Фиша сел на табурет и, покачивая ногой, смотрел на блестящий носок калоши.

– Ты скучала, надеюсь?

Доретта обидчиво пожала плечами.

– Была нужда...

Фиша посмотрел на неё внимательно, встал, отошел к окну, картинно подбоченился и сказал холодным тоном:

– Я должен говорить с тобой серьезно.

– Я тоже, – ответила она.

– О чем? – изумился Фиша.

– О том, что ты меня разлюбил...

- Ты, оказывается, наблюдательна...
- Так это правда? – готовая пуститься в слёзы спросила Доретта.
- Увы, правда, – вздохнул Фиша.
- Значит...
- Значит, нам, видимо, пора распрощаться...

– Ах, так!

Лицо Доретты исказилось такой гримасой, что от миловидности не осталось и следа.

- Нет, это тебе так не пройдет, – еле выдохнула она.
- В чём реальность вашей угрозы? – усмехнулся Фиша.
- А в том... а вот в том...

Не найдя, что сказать дальше, Доретта всхлипнула, зарыдала и плюхнулась на кровать. Фиша спокойно смотрел на неё, ногтем мизинца расправляя тонкую ниточку усов. И когда ему показалось, что Доретта выплакалась вдосталь, он присел на край кровати и положил ей на плечо руку.

– Успокойся, всё может обойтись благополучно.

Она перестала плакать. Открыла один глаз, другой... Фиша был спокоен и решителен.

– Давай говорить серьезно, без глупой горячки...

3

В поселке над Дореттой посмеивались, но не осуждали её. Так уж несчастливо сложилась у неё жизнь. Овдовела она рано, первые годы без мужа приходилось ей трудно. При зарплате счетовода сводить концы с концами было не так-то просто. Подрастала дочь, да и самой Федоре Васильевне не хотелось преждевременно записываться в старухи. Тут-то на её пути и появился завхоз Фиша, холостой и форсистой. Именно тогда Федора и превратилась в Доретту. Говорят, цветы перед увяданием особенно сильно пахнут. Доретта ничего не могла поделать со своей поздней страстью. Ей казалось, что без Фишеньки она не сможет про существовать и дня. Дочь Нина тогда только что поступила в ФЗО. Она всё поняла и горько плакала, сетуя на мать. Но слезы дочери, хотя они и жгли Федорину совесть, ничего изменить не могли.

Шли годы. Случались размолвки и недоразумения. Возникали ссоры. Иногда приходилось и ревновать. Происходило это чаще всего, когда Фиша возвращался из командировок. Он любил ездить уполномоченным по вербовке. Бывал в Пензе и в Орле, в Москве и в Закарпатье. И вот надо же было случиться так, что по возвращении его из командировок Доретта неизменно обнаруживала то в кармане, то в чемодане среди грязного белья, то в служебной папке меж казенных бумаг либо женскую карточку с душещипательной надписью, либо нежную записку, а то и предмет, коему в мужском чемодане никак не место. Доретта, разумеется, всё это горько переживала, но особого значения гастрольным похождениям своего Фишеньки не придавала. Она считала, что в её положении лучше закрывать на них глаза. Лишь бы Фишеньку не потерять, лишь бы он оставался при ней.

И вот он смотрит на не холодными глазами.

– Давай говорить серьезно, без глупой горячки... Ты не наивная девочка, Федора Васильевна...

Впервые он назвал её так, и это было для неё хуже пощечины. А он ровным голосом продолжал:

– Ты не девочка и должна понять, что разница в возрасте, если мужчина моложе, должна когда-нибудь сказаться. И вот она сказалась.

Федора зарыдала громче. Фиша подождал, пока она приутихла, и закончил так:

– Ты напрасно убиваешься. Ещё не все потеряно...

Фиша закурил, выпустил толстое и ровное кольцо дыма, проследил глазами, как оно, постепенно растягиваясь, исчезало под потолком.

– Словом, я тебе предлагаю следующий вариант...

Глава девятая

СКВОЗНЯЧОК В КАБИНЕТЕ НАЧАЛЬНИКА

1

Мастера, бригадиры, кадровые лесорубы заполнили тесную комнату. Все нещадно курили, и ещё до начала совещания в ней стало уж не продохнуть. Распахнули окно, и всё равно холодный воздух не успевал вытеснить густую табачную сизость. Все сидели в полушубках и шапках.

– Так вот, братцы, – начал Синяков, – главному инженеру позаседать приспичило. Позаседаем, значит. Как мы будем? Тебе, что ли, Дмитрий Иванович, слово?

Дмитрий Иванович повесил свою шапку на гвоздик, снял полушубок.

– С этого, может, и начнем? Полагаю, что следует раздеться и перестать курить. Или будут возражения?

Многие сразу же поднялись и стали раздеваться, иные сняли только шапки, все не без сожаления притушили сигарки. Один Синяков выкурил свою до конца.

– Так-то лучше, головы будут свежее, – сказал Дмитрий Иванович, подумал, обвел всех взглядом. – Доклада я вам никакого делать не буду. Хочу поставить вопрос так: почему лесопункт Сузём работает плохо? Хотелось бы, чтобы присутствующие здесь помогли дать правильный ответ.

Он сел. Наступила пауза. Синяков недоуменно моргал. Наконец он спросил:

– Это всё?

Дмитрий Иванович ответил жестом: всё.

Бызов сказал:

– Вот это доклад!

Другие переглядывались. Встал Иван Иванович.

– Доклад мал, да всем по кумполу дал. А так и надо. Ход правильный. Я хоть и старик, пора мне уж собачку на поводке водить, да не хотелось бы уходить при таком развале, как у нас. Потому и скажу: давайте порядок наводить. Ты не косись, начальник. Может, что и не сладкое скажу – стерпи. Машину-то у нас не любят. Мало, что не берегут, ломают походя, а и не хотят али не умеют от неё всю силу взять. У одного трактора швы трещат, столько на бедного лесу навалили, а другой в то время прохлаждается на отдыхе, у него какой-то там гайки нет. Гайки-то, может, и верно нет, да вот вопрос: у кого? Зимой людей в делянку наплет, что тараканов за печью у худой хозяйки. Грех сказать, они иной раз от нечего делать снег лопатой с места на место перекидывают, а мы им за это пустое занятие деньги платим. А на круг выработка обходится хрен целых, три десятых на душу. Об этом мы молчим, спасибо, передовики есть, ими при случае побахвалимся, тем и живём. А по поселку пройди. Стыдоба ведь, даже старые бараки людьми набиты. В других лесопунктах давным-давно не гадают на кофейной гуще, где рабочих разместить. Там уж постоянными кадрами обходятся, без сезонников, а с бараками распростились... Может, я не так говорю? Болтаю по-стариковски...

Иван Иванович хотел сесть, а места-то и не оказалось: от тесноты люди сдвинулись. Все засмеялись. Он, прихрамывая, шел к двери. Молодой лесоруб вскочил со стула.

– Садитесь, Иван Иванович...

Старик комически поклонился.

– Не беспокойся, парничок. Сиди. Пойду, покурю...

Синяков ещё во время выступления старого мастера несколько раз намеревался прервать его, но всё сдерживался. Теперь он встал, положил шапку на стол, расстегнул бекешу и, глядя в пол, произнес:

– Так мы время зря убьём. Давайте говорить по существу, без болтовни. Вот я набросал график, согласно которому квартальный план выполним досрочно. На участках развернем соцсоревнование. Дадим слово не уходить из лесу, пока не выполнена норма. Ну, я думаю, нет возражений против предложенного?

– У меня есть.

Из угла поднялся Бызов. Пиджак ему был тесен, и полы с трудом сходились. Широкая грудь, затянутая в полосатую тельняшку, распирала ворот.

– У тебя что, возражение? – изумился Синяков.

– Да нет, зачем. Супротив правильных предложений мы не возражаем. И соревнование, и досрочно – с этим согласны. Только я бы подмогнул мастеру. Долго ли машины в чёрном теле держать будем?

– В баню их водить, что ли? – съязвил Синяков.

– Да вот жалко, что нас с вами, товарищ начальник, в баню не сведут, – отбрил Бызов. – У меня, как у старого механика, душа болит, на них глядя. Прав мастер, машину надо эксплуатировать с толком. А у нас ремонта надлежащего нет, организация производственного процесса по существу отсутствует. То навалим в делянках столько, что и за месяц не вывозишь, то возить нечего, хоть тракторы ставь на прикол. И ставим.

– Ты что предлагаешь конкретно-практически? – нетерпеливо стучит карандашом о графин Синяков.

– Создать комплексные бригады – это конкретно, улучшить техническое руководство – это практически, – под общий смех заключает Бызов.

– Пусть Егор Павлович расскажет, какова эта комплексная. У него ведь она давненько создана, – крикнул из другой комнаты тракторист.

– Давай выкладывай, Егор, – поддержал Синяков.

До полночи было открыто окно в кабинете начальника лесопункта. До полночи из него валил дым. В самом кабинете хоть и не курили, зато курили в соседней смежной комнате, вполне и с лихвой вознаграждая себя за непривычное воздержание.

Когда все разошлись, Дмитрий Иванович спросил Синякова:

– Ну как? Теперь понятно?

– Да не теперь уж понятно, – ответил тот хмурясь. – Сколько раз об одном толкуем...

– Почему же мер не принимается?

Синяков не смог сдержаться.

– Ты, Дмитрий Иванович, не обижайся, молод ещё...

– Не так уж молод.

– Тебе всё кажется просто, – продолжал Синяков, пропустив поправку. – Тебе, может, и впрямь просто, у тебя диплом. А нам о дипломе некогда было думать, кубометрики требовались. То-то... И варимся в собственном соку. Даже технорука нет. У других техноруками инженеры, а мне хоть бы какого захудалого техника дали. Не дают...

– А нельзя ли на месте, в Сузёме, подобрать?

– В Сузёме! Ты что – всурьёз? У нас ведь тут не академия, инженеров не пекут...

– А может, и академия, дорогой товарищ начальник. Кроме шуток, я прошу вас подумать, кто из ваших сузёмских работников подошел бы на должность технорука. Эту вакансию больше терпеть нельзя. А на присылку надеяться пока нечего, по крайней мере до нового выпуска в учебных заведениях... Да тут найдутся кандидатуры, я в этом уверен.

– Задаешь ты мне задачу, инженер. Вроде того вечного двигателя, поди, окажется, как его по-ученому-то?..

– Перпетуум мобиле? – захохотал Дмитрий Иванович. – Ну, авось да этот ваш перпетуум будет проще... Так договорились? Прикиньте на досуге...

Уж на улице Синяков спохватился: окно-то и забыл закрыть. Он не захотел возвращаться в контору, побрел к окну прямо сугробом. Подняв шпингалет, с грохотом захлопнул раму.

2

Всю ночь донимала Синякова бессонница. Он вертелся на скрипучей кровати, вздыхал, с усилием закрывал глаза, но забыться так и не мог. Думы и думы, беспорядочные, клочковатые, теснились в голове. Старость, что ли, одолевать начинает – пустая ерундовина выбивает из колеи. Бывали времена, трудно доставались эти кубарики, ох как трудно, а рук не опускал. А нынче что-то и просвету не видать, мотаешься, мотаешься, а план трещит. И что тут поделаешь, шут её знает. Главному инженеру, ишь ты, не по нраву наша техника: одно неисправно, другое без дела стоит... А попробуй-ка в наших условиях обеспечить иной порядок. У нас ведь не цех заводской, Митрий Иванович, у нас лес да болото, коряги да пни. Тут тебе никакой золотой технорук не поможет... Ты говоришь, надо технорука на месте искать, а где его найдешь, он не гриб, под елкой не растет... Кого же в самом деле в техноруки-то предложить? Может, Бызова? Он ничего, на работе дюж, с делом управляется играючи, работяг в руках держит...

Синяков сел на кровати, закурил, покашлял вдоволь. Пришедшая в голову мысль о Бызове неотвязно билась в потемках бессонницы. Черт его знает, предложить, что ли, Бызова? А примут ли? То верно, ни от какой работенки он не бежит, надо – берет топор, надо – орудует аншпугом, тракторист сплеховал, машина стала – он, ни слова не говоря, лезет под колеса, вымажется весь, как леший, а ведь если подходить формально, какое ему до остановки машины дело, он простой лесоруб... Но и то сказать, техноруком-то быть – это не то, что уметь подвинтить гайку... Так, видно... Ну, а кого ещё? Ивана Ивановича, что ли, возвести на эту должность? Так, для смеху, пусть занимает... В недавние времена сошло бы, а нынче нет, руками замашут. Из женского полу подавно никого не подберешь... Будь ты неладен, Митрий Иванович, загадал загадку! Не Егора же Бережного выдвигать в техноруки... А отчего бы и не его? Диплома, правда, у него нет, а на Крутой Веретии он, говорят, толково с машинами поступил. Голова у мужика варит, ничего не скажешь. Вот только как мне с ним столкнуться да сработаться? Он на поворотах не скор, а свернуть его ежели захотеть, так попотеешь. А что мне с ним делить? Отдам я ему это машинное хозяйство, будь оно неладно, в полное ведение, пусть управляется, как знает. И мне будет меньше мороки. И дело, быть может, пойдет, чем черт не шутит...

Дмитрий Иванович удивился, когда наутро Синяков высказал ему своё предложение.

– Егора Павловича? Гм... А сработается?

– А чего нам делить? Он будет машинами заведовать, я стану кубарики считать, худо ли, – сострил Синяков.

Главный инженер задумался.

– Об этой кандидатуре решать я, сам понимаешь, Федор Иванович, не могу, – сказал он.
– Если у тебя впрямь есть такое намерение, тогда сделаем так: пошли свое письменное предложение на имя директора леспромхоза. Согласятся – я не возражаю. Дядюшка, конечно, техник-механик доморощенный, но при нужде, говорят, в деревнях и на коровах пахали...

Синяков захохотал.

– Это не корова, а всамделишный бык, бугай.

Он постучал локтем в переборку. Появился деловод. Синяков ему приказал:

– Сочини-ка бумагу на имя директора. Мол, я предлагаю Егора Бережного в техноруки. Убедительнее пиши, охарактеризуй кандидатуру со всех сторон, дескать, подходящий и прочее, ты знаешь...

Через неделю был получен приказ о назначении Егора Бережного техноруком лесопункта Сузём. Синяков позвал его в свой кабинет.

– Вот, Егор Павлович, мы из тебя инженера сделали.

Егор вертел бумагу и так и сяк, её содержание не сразу дошло до него.

– Что такое, не пойму, – говорил он, вчитываясь в лиловые строчки. – Меня – техноруком? Да вы что, разыгрываете? Так сегодня ведь не первое апреля.

– Ничего не разыгрываем, берись за дело, хозяйничай, – серьезно сказал Синяков.

Бережной смотрел на него, на племянника, переминался с ноги на ногу.

– А ежели не справлюсь? – спросил он.

Синяков встал, потрогал для чего-то конец карандаша, вставленного им же в старую дыру от гвоздя в телефонном футляре, заглянул в окошко, вышел из-за стола и, остановясь против Бережного, сказал:

– Не справимся, так вместе отвечать будем... Так-то, Егор Павлович.

Бережной, не зная, что делать с бумагой, свернул ее четвертушками, сунул в карман, сразу же вынул и положил на стол.

– Ты подшивать, Синяков, будешь или как?

– Подошьем, это не твоя забота.

Дмитрий Иванович, наблюдавший из угла эту сцену, подошел к Егору, протянул ему руку.

– Ну, товарищ технорук, поздравляю с вступлением в должность. Сегодня, видимо, придется принять все техническое хозяйство, познакомиться с ним, а завтра прошу продумать мероприятия по упорядочению эксплуатации тракторного и машинного парка, ремонтно-механической базы, энергетических точек. Обращаю внимание товарища технорука на главное: подбор и расстановку механизаторских кадров. А в общем, дядюшка, приступай и действуй, – сменив официальный тон, заключил Дмитрий Иванович.

– Есть, товарищ главный инженер! – по-военному вытянулся Бережной. – Разрешите идти?

Тяжелый, угловатый, он удивительно легко повернулся и твердо зашагал к дверям. Синяков подмигнул Дмитрию Ивановичу.

– Видал, как мы кадры-то куем в Сузёме?

– Не знаю, товарищ Синяков, как ты к этой каддре ещё притрешься, – улыбнулся главный инженер.

Синяков вздохнул.

– Будем притираться как-нибудь, обкатаемся...

ПЕНИЕ В ДОМИКЕ НА ОКРАИНЕ

1

Поздно вечером Дмитрий Иванович возвращался из делянки. Кругом было тихо-тихо. В дремотной оцепенелости стояли сосны, чуть освещенные дальними огнями поселка. Телеграфные столбы вдоль дороги гудели ровно и умиротворенно. Изредка с заречной стороны доносилось тявканье собаки, а от проруби слышался девичий смех, звяканье вёдер да плеск воды. Дмитрию Ивановичу почудилось, что он слышит приглушенный звук песни. Он остановился, поднял наушник шапки. Да, в крайнем домике улицы пели. И, кажется, пели молитву. По крайней мере мотив походил на церковный. Дмитрий Иванович сообразил: в этом доме жил, насколько помнится, Ефим Маркович. Конечно, тот дом, вот и доска у калитки с грозной надписью голландской сажей: «Цъпная собака». Выходит, жив бывший кожевник и, видать, блюдет заветы своей преподобной тещи. Интересно, чем же он занимается?

Пение в домике затихло, и в то время, когда Дмитрий Иванович проходил мимо калитки, она распахнулась. На дорогу вышел Фишка. Он узнал Бережного, прикоснулся рукой к шапке, хотел, ускорив шаги, уйти вперёд. Дмитрий Иванович окликнул его:

- Куда заспешил, земляк?
- Да уж поздновато, Дмитрий Иванович...
- А у вас тут что – вечерня была?
- Собирались... Попели, не без этого...
- Значит, жив Ефим Маркович? Здоров ли?

Фишка замедлил шаги, с недоверием взгляделся в лицо главного инженера: что он, шутит? Ефимовым здоровьем интересуется...

- Ничего, во здравии.

Сзади скрипнула Ефимова калитка, послышались женские голоса, группа женщин вышла из дома. Они крестились, твердили молитвы.

- Так-так, Платоницина практика продолжается, – усмехнулся Дмитрий Иванович.
- Блюдем Христовы обычаи, – покосился Фишка.

Дмитрий Иванович не заметил, что среди женщин, вышедших из Ефимова домишка, была молодая девчонка. Все они показались ему старухами.

Сапожной мастерской у Ефима теперь не было, в её помещении устроили молельню. Сам он, переняв по наследству Платонидино ремесло, превратился в проповедника, но действительным верховодом в святом деле был не он. Верховодом был Фишка. Командировки в роли вербовщика рабочей силы по деревням и дальним городам Фишка успешно совмещал с обязанностями «странника». Это была важная должность. Недаром слово «странник» вошло и в само название секты. Название длинное и торжественное: Истинные Православные Христиане (странники). На молитвенниках, которыми секта снабжала своих единоверцев, это название церковнославянской вязью было начертано сокращенно: ИПХ(с). Сектанты не признавали попов, к иконам же относились безразлично: можно молиться иконе, а можно и просто так. Поскольку церкви не имелось в наличии, приходилось службу вести без неё и обосновать это «теоретически» так: бог вездесущ, где он, там и божий дом. Вербовали сектанты в свои ряды настойчиво и упорно, но вербовка шла туго. Хотя и «модернизированная», религия людей не привлекала. Поэтому члены секты получили твердое задание: каждому привлечь не менее одного человека. Фишка решил показать пример и завербовать не какую-нибудь старуху, а молодую цветущую девицу. Его выбор пал на Нину.

Когда Доретта услышала предложение своего возлюбленного, она опешила. Фишенька

до этого и виду не показывал, что он верующий, да еще и сектант. Он не хотел к своим любовным утехам примешивать святошеский привкус. Но когда потребовалось, он открыл карты и ловко воспользовался слепой привязанностью Доретты.

– Ой, Фишенька, да что же я ей скажу-то? И сама про бога кои годы не вспоминаю, а тут, нуте-ка, дочь божьему учить, – говорила она, боязливо поглядывая на Фишку.

– Ничего, мудрость не велика, – утешил он. – Помаленьку-потихоньку внушай, незаметно, между делом, глядишь – и пойдет на лад. Ты – мать, материнское слово мимо не пролетит. Раскусила?

– Да уж как-нибудь, Фишенька, сделаю, – покорно согласилась Доретта. – Ради твоей любви сделаю, сокол мой...

Нина вначале удивлялась странностям, которые стала замечать в поведении матери: то молитву шепчет ни с того ни с сего, чего раньше не бывало, то вдруг перекрестится неумело, неуклюже, завздыхает, сделает благодное лицо, то начнет разговор с дочерью на душевспасительную тему. Нине чудно и даже забавно. Она фыркает, изумленно смотрит на мать, а толком не поймет, как ей ко всему этому относиться.

Однажды Доретта сказала дочери, к слову пришлось:

– Ты бы хоть лоб-то перекрестила.

– А зачем? – наивно спросила Нина.

– Как зачем! Бог-то ведь всё видит, – назидательно сказала мать.

Нина пожалала плечами. Не знала она, что вслед за этими первыми попытками склонить её к божьей вере, пойдут другие, и третьи, и четвертые. Вокруг девушки появились какие-то говорливые тетушки и бабушки, иные с речами сладкими, как патока, иные с устрашающими россказнями, а некоторые с простыми житейскими разговорами, направленными к одному: без бога не до порога. Фишка тоже разъяснял Нине священное писание и иной раз столь занятно, что девушка слушала с интересом.

И всё же Нина внутренне противилась религиозным наставлениям. И когда ей сказали, что надо идти на моление, она, ошестинясь, сказала:

– Не пойду.

Мать притворно заплакала, стала укорять её злым неверием. Бабушки наперебой заговорили об ужасных бедах и тяжких карах, кои ждут богоотступников.

Фишка строго приказал:

– Не дури. Сходишь раз, сама почувствуешь облегчение. Слушайся матери, она худому не научит.

Скрепя сердце Нина пошла с ними. Встретил Ефим Маркович. Он маслено улыбался, мотал головой, колол девушку белым глазом. Вручил ей молитвенник – толстую книжицу в засаленном переплете, пахнущую ладаном.

После общего моления, во время которого Нине казалось, что она попала в какой-то странный потусторонний мир, Ефим Маркович взял её за руку и вывел на середину комнаты.

– Мы наречем тебя, отроковица, сестрой нашей во Христе, и будешь ты среди нас непорочной голубицей, источающей свет истинный. И да будет житие твое присноблаженным и всеправедным...

Он помолчал, сделал смиренно-строгое лицо и, уставившись на Нину глазами так, что она вся затрепетала, изрек:

– Но знай, девица: отныне жизнь твоя в руке божией. И ежели ты пошатнешься в вере истинной православной, вовсе сказать, не будет тебе спасу ни на земле, ни на небе. Молись, соблюдай духовные каноны наши, и благо ти будет, и воссияет имя твое во веки веков.

Аминь.

После этого вечера за Ниной неотступно следили, поучали её, заставляли молиться и молиться. Нина чувствовала себя опускающейся в какую-то мрачную бездну, но сил и путей удержаться от страшного падения не находила. Порой у нее мелькала робкая мысль обратиться за помощью к товарищам, рассказать обо всем Юре, но в таких случаях она с ужасом сжимала голову руками. Нет, нет, пусть лучше никто не знает о её несчастье.

Она смотрела на неожиданных своих «сестер» и «братьев» и не могла понять, что это за люди, к чему они стремятся, куда зовут. У них даже и религии-то не было, все их «учение» сводилось к воспеванию бога да к проповеди житейских запретов. То нельзя, другое нельзя. И выходило, что нельзя именно то, что идет на пользу обществу.

Ефим Маркович внушал девушке:

– Пойми умом своим, чадо моё, что все эти светские затеи: собрания, кружки, увеселения, – вовсе сказать, бесовское утешение. Безбожники выдумали их, чтобы радовать сатану. Будь в стороне от них, не поддавайся соблазну. Бери пример со старых, верных, истинных христиан. Вот хотя бы бабушка Курначиха. Стара и немощна, а проявила не так давно, вовсе сказать, дух твердости и божьей гордыни в схватке с безбожниками.

Новоявленный апостол поведал, как во время выборов в местные Советы Курначиха отказалась принять избирательный бюллетень. Сколько ни старались агитаторы разъяснить ей значение выборов, сущность советской демократии, роль Советов в жизни общества, старуха стояла на своем: участвовать в выборах она не будет и на избирательный пункт не пойдет.

– Может быть, бабушка больна, идти к урне не в состоянии? Так мы принесем бюллетени и избирательный ящик сюда, – говорили агитаторы. Она твердила одно: голосовать не будет. Тогда агитаторы привели ей слова из священного писания: «Несть власти, аще не от бога». Неужели и после этого бабушка откажется участвовать в выборах? Она слова из священного писания выслушала и ответила:

– Так ведь это не про советскую власть...

Нина слушала, и у неё сердце сжималось от боли. Куда, в какое болото тащат её? Дома она с плачем кидалась к матери, просила, умоляла спасти её, не губить, вытащить из ямы. Мать и сама приходила в смятение, поняв, что происходит. А что она могла сделать? Обратиться к Фишеньке? Тот слушал, пуская ровные колечки дыма к потолку, и усмехался.

– Чего ты хочешь, Доретта? Дело сделано, и переигрывать нельзя.

– Не бойшься ты, Фиша, бога...

Он похохатывает.

– Страсть как боюсь. Боюсь и потому божью дочь Нину вернуть безбожникам не могу. Поздно, Доретта. Пойми, поздно...

2

В рабочекме они сидели вдвоем – Макора Тихоновна и Нина. Нина вытирала слезы и молчала. Макора завела с ней разговор о производстве, о заработке, спрашивала, хватает ли ей денег, не нуждается ли она. Нина отвечала движением головы да редкими отрывистыми словами.

– Почему же ты не хочешь со мной говорить? Я добра тебе желаю. Вижу, что у тебя какая-то тяжесть на душе. Расскажи, легче станет. Если нужна помощь, постараюсь помочь...

Нина чувствует, как у неё стучит сердце, словно хочет вырваться из груди. Но она зажимает его, не дает ему воли. Хотелось броситься на грудь Макоре Тихоновне, рассказать ей всё, всё, но страшно: не поймут, засмеют, будешь посмешищем у всего поселка. Молодая

девка в святошество ударилась, адовых мук испугалась, а давно ли ещё подумывала о вступлении в комсомол. Как хорошо бы там было – свои ребята, подруги. И Юра был бы вместе... А теперь всё погребло для неё, ничего не вернешь, вся жизнь исковеркана...

– Макора Тихоновна, мне можно идти?

Робость, унижение, слабость – чёрт те знает что! – звучит в этом вялом голосе. Да та ли это Нинка, вострушка, затейница, «мальчишка в ватнике», какой была она недавно? Макора смотрит ей вслед и видит почти старческую походку, согбенную, всему покорную фигуру. Макарина рука резко задерживает штору на окне. Нет, этого так оставить нельзя.

Она идет к Мите, рассказывает ему о Нине, просит совета.

– А её родителей ты знаешь? С ними говорила?

– У неё одна мать. Счетоводом у нас в конторе. Женщина недалекая и не без изломов. Была Федорой, стала Дореттой...

– Понятно. А отец?

– Отец у Нины погиб. Доретта связалась с нашим завхозом Афиногеном Мизгирёвым. Знаешь? Такой форсистый кудрявчик...

– Да что ты мне рисуешь его портрет! Мы ещё в юности с Фишей «дружбу» водили, День леса праздновали... Парень аховый. Слушай! А он, Фиша, не прибрал девчонку к рукам? Ты знаешь, он с Платониным зятем священные псалмы распевает. Тут, наверно, и зарыт редькин хвост. Это, кажется, повторение истории с Гришей Фереферовым. Знаешь, Макора, не надо ждать, когда болезнь углубится, лечить требуется немедленно и радикально. Пойдем в партбюро, поговорим. Против Платониных наследников надо действовать активно.

3

В доме тихо. Висящая над столом электрическая лампочка притушена самодельным абажуром из синей тряпки. Стол пуст. Кроме алюминиевой миски, на нем ничего нет. В миске зажаренная курица. Она дымится. Ефим Маркович гложет куриное крылышко. Один его глаз от удовольствия прищурен, другой устремлен в темный угол. Обсосав косточку, Ефим кидает её за печь. Жирными пальцами раздирает нежную тушку, принимается грызть ножку. Жир стекает на бороду и застывает белыми сосульками. Отдельные капли попадают на клетчатую рубаху, давно не стиранную, потерявшую цвет, на мятые лацканы пиджака. Увлеченный едой, Ефим Маркович не обращает на это внимания. Не впервой так делается, видно по всему. Утолив аппетит, он вытирает руки о штаны, громко, от великой сытости рыгает, ставит миску в шкафчик и запирает его на ключ. Садится на скрипучую койку, покрытую грязным залосненным одеялом, задумывается.

Один. Один, как перст, остался Ефим. Единственный сын где-то в дальних краях, не держит связи с отцом, забыл, бросил. Жизнь прошла ни за грош, ни за денежку. А ведь копил добро, изворачивался, ловчил – всё пошло прахом. Нынче осталось пожрать власть да потешить исподтишка свою глухую злобу. Нет, не все ещё зубы потерял Ефим Маркович. Только он не будет выказывать себя, как Платонида. Глупа была покойная теща, глупа и прямолинейна. А этот Харлам так просто дурак. Ефим Маркович умнее своих предшественников; умнее и тоньше. Он только наставник. Его дело – божественные проповеди. Тихие и мирные. Попробуй к нему придраться. А кусается он втихаря, втихаря... Жук-короед не шумит, не гремит, а могучие деревья подтачивает. Так и он, ласковый, добрый, всему покорный... Живёт чем бог послал, о суете мирской не печется, одной печалью полнится – блюсти заповеди Христа-спасителя.

Ефим Маркович тихо смеётся, устраивая удобнее подушку. Смешно, что есть еще люди, которые и впрямь верят в бога, ищут в нем душевное утешение, с благоговением ловят каждое слово новоявленного апостола Ефима. А этот апостол, при людях благочестивый до самоабвения, в одиночестве ни разу не перекрестится, не шепнёт молитву, не взглянет умильно на божий лик. Была когда-то вера, да вся вышла. Что это за всевышний и всемогущий, ежели ни разу не помог на крутых раскатах Ефимова жизненного пути! И выше его и могущественнее оказались и Федюня Синяков и Митька Бережной...

Старый «апостол» нырнул под одеяло, подтянул коленки к животу. Он любил спать на правом боку, свернувшись калачом. Закрыв глаза, продолжал думать. В бога бывший кожевник не верит, а ученье его проповедует. Почему? Да потому, что в этом осталась единственная возможность для него быть сильным, не сдаваться, вести борьбу. Раз находятся верующие, почему бы не стать апостолом? Нет, Митрий Иванович, не думай, что ты силен, а мы так тебе и сдались! Мы ещё потягаемся... Он высунул кулак из-под одеяла и погрозил.

В это время стукнула калитка. Ефим, Маркович наострил ухо. Кто бы это в такую поздень? Задребезжало окно. Фишку леший несёт! Ефим Маркович, недовольный, вылез из-под одеяла, сунул ноги в валенки, натянул полушубок.

– Ты чего по ночам? – спросил он, выдвигая засовы да открывая крючки.

– А ты уж не спал ли?

– Собрался. Давно пора...

– А я думал, апостолы по ночам молятся, – захохотал Фишка.

Идя за Фишкой в избу, Ефим Маркович шмыгал носом.

– Ты чего принохиваешься? – обернулся Фишка.

– Да от тебя, как от куста шипицы, цветочным духом разит.

– Зато от тебя святым духом zelo припахивает, – сморщил нос Фишка.

Он сел к столу, закурил. Пустил несколько дымных колечек.

– Хреново дело-то, проповедник, – сказал он. – Безбожники хотят нашу отроковицу Ни ну отлучить от нас. Брыкнет, кажется, твоя овечка и ускачет. Плохо, брат, ты её просвещал...

– Такую дикую овцу, вовсе сказать, ты в наше христианское стадо загнал, – сверкнул белым глазом апостол. – Сам и управляйся теперь с ней.

– Да вот как управиться, ума не приложу, – почесал затылок Фишка. – К тебе посоветоваться пришел. Что будем делать-то?

Ефим Маркович задумался. Он сидел, не снимая полушубка, из-под которого торчали голые ноги с волосатыми икрами. Вид его был столь живописен, что Фишка не удержался пошутить:

– Таким тебе на проповедь выходить, ей-богу, бы фасонно было. Всамделишный апостол, будто с древней иконы, – баранья шкура и голые лытки...

– Не богохульничай, святой странник, – огрызнулся Ефим Маркович. – Дело-то и впрямь не шутёвое. Ежели её у нас вырвут, большой урон нашей общине будет. И так, вовсе сказать, вхолостую столько проповедуешь. Нынешний народ не скоро заговоришь. А ежели эта девчонка выскользнет из наших рук, тогда греха не оберёшься. Так я считаю. И тут уж твоя забота, странник. Ты её завербовал, ты и крепи.

– А ты, выходит, хочешь руки умыть? Хитрее Понтия Пилата... Нет, Ефим Маркович, легко так не отделаешься. Вот слушай. Я к тебе её направлю. Ты ей мозги помешай, да покруче. Посадим на пост да молитвы. Припугнем всеми чертями и адовыми муками. Надо сломить её, чтобы она уж не могла поддаваться, ежели они начнут её агитировать. Говорят, Макорка за неё берется. Эта баба, сам знаешь, опасная для нашего дела. Вот так, Маркович.

Действуй!

Бурча под нос, Ефим Маркович проводил ночного гостя, заложил все засовы и крючки. Зайдя в избу, потоптался посреди пола. Сверкнул глазом на божницу. Достал оттуда Евангелие. Стал листать.

– Действуй! Начальник нашелся, командует... Стал бы я тебе подчиняться, наплевал бы... Да тут уж не ради твоих душистых кудрей. Тут Ефимовы интересы задеты. А когда Ефим стоит за интересы, он не привык отступать. Воспитаем отроковицу, не таких уламывали. Писание не поможет – у самих толк найдется. Так что ты, Фишенька, милый кудрявчик, вовсе сказать, ещё мелко плаваешь...

Глава одиннадцатая

НИНА ИСЧЕЗЛА

1

Встает над Сузёмом солнце, большое, лучистое, но пока ещё не греющее. Серый, запошенный снегами поселок весь оживает, тянется к нему ровными и прямыми столбиками дыма из труб. Окна рассыпавшихся по крутому берегу домиков загораются аловатой позолотой. Косые солнечные лучи, пронизав вершины коряжистых сосен, тонут, растворяются в сизоватой стыни лесных прогалин. С пригорка, что возвышается над речкой, весь поселок словно на ладони. Егор Бережной из шоферской кабины смотрит на знакомые места и радуется морозному утру, любитесь веселым видом знакомого посёлка, синим разливом лесов, широкими волнами уходящих вдаль.

– Постоит, надо быть, погода. Ишь, благодать-то какая, – говорит он шоферу. Тот согласно кивает, не поворачивая головы, легко, будто играючи, крутит баранку руля. Порожнюю машину подбрасывает на невидимых ухабах дороги.

– Гляди, словно божьи коровки! – кричит Егор.

– Прытки больно для коровок, – улыбаясь, возражает шофер.

По прибрежному склону от поселка на реку высыпали лыжники. Их красные, синие, коричневые, зеленые спортивные костюмы на блистающей белизне наста выделяются ярко, горят.

– Соревнованья у них, что ли?

– Молодяжки, что им! Пусть потешатся в выходной.

– А нам вот с тобой и в выходной дело находится...

Шофер на минуту забывает дорогу, смотрит скоса на Егора.

– Не на лыжах ли ты захотел побегать, Егор Павлович?

– А что! И побегал бы. В молодости мы и не слышали о таком чуде – лыжные соревнования. Лыжи, правда, у меня были, из осины сам вытесал, широкие, почитай, пол-аршина поперёк. Знамо дело, не соревновательские. За белкой иной раз сходишь али за зайцем, лесосеку попутно заметишь... Где-то они ещё и ныне сохранились, валяются в Сосновке. Взять, что ли, да присесть к этим бегункам, да обскакать их? Ещё приз, того гляди, дадут – игрушку из глины или пузырек из-под духов. Как ты думаешь?

– На что тебе из-под духов? Проси побольше размером да не пустой...

– Вот правильно, я не догадался...

В поселке машина остановилась у домика, где жил в комнате для приезжающих Дмит-

рий Иванович. Он ещё только наливал воду в умывальник.

– Вот это дядя! – встретил он Егора Павловича шутливым ворчанием. – Поспать не даст в выходной.

– А ты ещё не укатил под крылышко к своей Валюшке? Небось она тебя потеряла?

– У вас тут потеряешься. Приезжай на неделю, в месяц не управишься. Ты бы, дядюшка, сходил за кипятком в соседнее общежитие, пока я привожусь в порядок. Не в службу, а в дружбу. А?

– У вас так принято – гостям работу давать? Где чайник-то?

Вскоре пришел Бызов, прихромал Иван Иванович, появился Синяков/

– А Макору Тихоновну что ж ты не прихватил? Али профсоюзу незачем вмешиваться в производство? – шутливо спросил Егора Иван Иванович, с кряхтением залезая в машину. Бережной в тон ему ответил:

– Стряпня... Бабье дело, ничего не попишешь. Она говорит: «Ивану Ивановичу все профсоюзные полномочия даны. Он член, рабочкома».

– Ну, тогда ладно, – умиротворенно согласился старый мастер. – Раз полномочия даны, так держись, поблажки тебе не будет...

– Я уж привык, каждый день под домашним профсоюзным контролем...

Машина фыркнула сизым чадом и понеслась по улице поселка.

2

Егор взялся за дело без шума, спокойно. Он объехал все участки лесопункта, присматривался, соображал, подсчитывал. И пришёл к заключению, что и всюду, как на Крутой Веретии, успеха можно добиться путем планомерного сочетания отдельных процессов единого потока, начиная с валки деревьев и_ кончая разгрузкой лесовозных составов на нижнем складе. Егор скромничал, когда в разговорах подчеркивал недостатки организации своего бывшего участка. Немало он ухлопал на Крутой Веретии сил и энергии, но и дело там нынче налажено толково. Может, и не образцово вовсе, но что правда, то правда, там не было такой неурядицы, какая наблюдалась на иных участках. Ныне Егор самолично убедился, побывав на Кисличном мысу, сколь горьки плоды неорганизованности. То валка с корня отстает от трелёвки, машины стоят, им нечего делать, случается, по полдня; то, наоборот, трелёвщики не справляются с очисткой делянок, сваленный лес остается лежать у пня по неделе, бывает и дольше, а случись ненастье, его и не разыщешь; то погрузка и разгрузка леса никак не обеспечивает бесперебойного движения лесовозных машин, происходят «пробки» у эстакад. Егор сравнивал это положение с тем, как стало нынче на Крутой Веретии, и думал: «Да, самое главное так рассчитать производственные процессы отдельных звеньев, чтобы «пробки» и разрывы исключались. А уж ежели и возникнет иной раз затор, так чтоб это случалось не столь часто и считалось аварийным происшествием».

Егор с часами в руках следил за ходом работы. Он исчертил свою тетрадку графиками, исписал её расчетами и пришел к выводу, что метод, который он применил на Крутой Веретии, можно взять за основу для всех мастерских участков. Вместе с начальниками участков они кое-что уточнили и нашли, что, если на всем лесопункте ввести строго плановую и четкую организацию труда, можно сократить значительную часть наличного числа рабочих, причем общая выработка не снизится, а увеличится. Одно смущало и беспокоило Егора: очистка срубленных деревьев от сучьев, или, как называли лесорубы этот процесс, окарзовка. Она была самым трудоемким звеном везде, на всех участках. Она задерживала весь поток. Егор поделился по этому поводу своим огорчением с Дмитрием Ивановичем. Главный инже-

нер поморщился.

– Что поделаешь, атавизм...

Егор не понял.

– Старина с мохом, вот что, – с улыбкой разъяснил Дмитрию Иванович. – Ты смотри, всё у нас механизировано. На валке леса электропила, на трелевке лебедка или трактор, на вывозке автомобиль, трактор, мотовоз, паровоз, на разгрузке и погрузке краны. А вот сучки обрубает топориками, как полвека назад. Это, пожалуй, равносильно, если современный фронт наденет форсистую шляпу, узконосые ботинки, фасонистый галстук, а бедра обмотает бараньей шкурой. Наша окарзовка – самая настоящая баранья шкура. И когда мы от неё избавимся, неизвестно. Приходится пока мириться, ничего не поделаешь...

У Егора первоначально было намерение налаживать производственный процесс постепенно: сперва на одном участке, потом на другом, на третьем. Но такая очередность привела бы к чрезмерной нагрузке – срок последнего участка не наступил бы, пожалуй, до конца сезона. Поэтому он предложил сделать так: на Кисличный мыс послать Бызова – там большинство вербованные, а он с ними умеет ладить. Участок Кривой Березы – Дмитрию Ивановичу. Участок Гарь и центральный участок возьмёт Егор Бережной. А на Крутую Веретию пусть съездит сам Синяков. Начальник лесопункта и не помнит, когда он последний раз был на этом отдаленном участке. Егор Бережной беспокоил его редко, людей не просил, план выполнял, и Синяков привык не вспоминать о Крутой Веретии, будто её и не существовало в лесах Сузёма. Ехать ему туда не хотелось и сейчас. «Уж не за тем ли меня посылают на Крутую Веретию, чтобы не мешал хозяйничать на лесопункте?» – думал он. И был не далёк от истины. Предложение Егора о поездке Синякова на Крутую Веретию поддержал и Дмитрий Иванович, подумав: «Пусть съездит, своими глазами посмотрит, как можно организовать лесное производство по-иному. Да и здесь без него легче избавиться от косности. Пусть съездит...» А пока решили все вместе объехать два мастерских участка. Осмотрели лесные массивы, проверили рельеф лесовозных трасс. Бродили в делянках по пояс в снегу, умаялись. В поселок вернулись вечером. Всей гурьбой закатились в столовую. Буфетчица даже ахнула.

– Начальства-то!

Синяков заглянул на кухню, о чём-то стал шептаться с поваром.

– Ты, начальник, там особых директив не давай, – сказал Дмитрий Иванович. – Пусть кормят тем, что есть. Тебе полезно узнать, чем рабочие питаются.

– Да я сказал только, чтобы обслужили...

– А мы сами в состоянии обслужиться, – весело воскликнул Егор Бережной, забрал у буфетчицы талоны и через кухонное окно принял огромный поднос с дымящимися тарелками. Он нёс его осторожно на вытянутых руках, мелко переступая ногами, боясь сплеснуть. Дмитрий Иванович сдвинул со середины стола солонку и горчицу.

– Ставь давай, ставь, а то уронишь. Плоховатый из тебя, дядюшка, официант...

Егор вытер пот с лица.

– На такую ораву за один раз и ресторанный молодец не принесёт.

Все принялись за еду.

– Жидковат супец-то, – сказал Иван Иванович, поглядывая на Синякова. Того задело это замечание.

– Ещё бы в полночь пришли, откуда наварному супу взяться, – возразил он и вдруг колюче посмотрел на мастера. – Я, что ли, тебе супы варю, спрашивай с повара...

– Супы здесь ничего, супы подходящие, – примирил их Дмитрий Иванович. – А выбор вторых не богат. Утром свиная котлета, в обед она же, и на ужин её же, милую, подогревают.

Синяков хмуро склонился над тарелкой.

– В вашем районном ресторане есть и антрекоты, и форшмаки, и башмаки. Нам уж с ним не уравниваться, с рестораном... Нам добро и котлета.

– А знаете что, товарищ начальник? Придётся, видимо, и столовой вашей заняться...

– Займись-ко, займись. Это дело как раз главного инженера.

– Представь себе, его это дело.

– Ну, дак я и говорю, – не без насмешки согласился Синяков, ковыряя спичкой в зубах. – Давай лучше договоримся, что завтра будем делать. Ты тут, Егор, остаешься, так знаешь, чем заняться-то?

Егор Бережной, не торопясь, закончил обед, вытянул треугольничек бумажной салфетки из стакана, обтер губы.

– Планы у меня не какие особенные...

Он рассказал, как мыслит перевод мастерских участков лесопункта Сузём на новую технологию производства. Предлагается на участках создать малые комплексные бригады, ввести хлыстовую вывозку древесины, на Кисличном мысу и на Гари начать вывозку деревьев с кронами.

3

В лыжном соревновании Юра занял третье место. И он действительно получил приз – флакон тройного одеколона. Придя в общежитие, он поставил флакон на стол.

– Бреемся, братцы! Всех освежаю...

Лесорубы посмеивались.

– Шустр ты на ногу, Юрочка. Сегодня одеколон выбегал, в следующий выходной – духи «Алая роза», а достигнешь скорости рысака, небось ладаном от тебя запахнет.

– Да у нас и так уж ладаном отдает, – сказал Бобриков, подручный слесаря из мехмастерских. – Появится в цеху Нинка – и не знаешь, что делать: то ли за ручник братья, то ли «Свете тихий» петь... От неё, как от кадила, разит ладаном...

У Юры округлились глаза, он уставился на Бобрикова, готовый кинуться на него, приняв его слова за оскорбительную насмешку.

– Про Нину ты не смей!

– Ишь, защитник выискался, – пренебрежительно покосился Бобриков. – Уж и ты не из той ли блаженной Ефимовой компании?

Юра ничего не ответил, потому что начал понимать: никакой загадки, ничего странного в поведении Нины не было и нет. Словно именно этих злых слов Бобрикова и не хватало, чтобы всё стало на свои места. Нина подпала под влияние сектантов. Как это произошло? Кто они такие? И как он сам не мог заметить этого? Мелко же, выходит, он плавает, если не предупредил происшедшего на его глазах страшного падения девушки. Да главное сейчас и не это. Сейчас главное – немедленно найти средства и принять меры, вырвать Нину из-под пагубного влияния. Юра оделся и пошёл, решив во что бы то ни стало увидеть Нину, откровенно поговорить с ней.

На этот раз он не бродил мимо калитки Федориного домика. С бьющимся сердцем постучал в крылечную дверь. Открыла сама Доретта.

– Вам кого? – спросила она, настороженно осматривая нежданного гостя.

– Нина дома? – ответил он вопросом на вопрос.

– Она, кажется, дома, – замялась Доретта. – А вам зачем?

– Мне нужно видеть её.

Юра решительно шагнул за порог, Доретте пришлось невольно посторониться. В комнате он застал странную картину: Нина стояла на коленях лицом в угол и держала перед собой открытую книгу с горящей свечой, прилепленной к переплету. У стола, развалившись на стуле, сидел Фиша, пил чай. Румяное холеное его лицо светилось довольством и самоуверенностью. Нина, увидев Юру, вскрикнула, книга выпала из рук. Фиша поставил стакан на стол, загородился рукой от света, всматриваясь в непрошеного посетителя. Узнал Юру, принял надменный вид.

– Тебе, Лычаков, чего? – спросил он, играя бархатистым баритоном.

Юра стоял, не зная, что же ему дальше делать. Он шагнул вперед по направлению к Нине.

– Ниночка, я бы хотел с вами поговорить...

Нина сжалась в комочек, молчала. Широко открытые глаза странно вспыхивали. Доретта быстро встала между Юрой и девушкой.

– Что вам надо? Какие ещё разговоры?

– Я хочу говорить с Ниной, – твёрдо сказал Юра.

Но Доретта заслонила дочь, готовая, если потребуется, пустить в ход коготки.

– Какие у вас могут быть разговоры с чужой девушкой?

Доретта красноречиво глянула на Фишу, и тот поднялся со стула. Юра понял, что он оказался в глупейшем положении. Отступить было невозможно: ни честь, ни совесть, ни чувство не позволяли ему оставить девушку в этом темном логове. Он должен, обязан выволочить её. Но применять силу нелепо, а слова, он видел, не помогут. Решение возникло внезапно.

– Я пришел к Нине, чтобы предложить жениться на ней, – сказал он, ощущая, как кровь волной ударила в лицо.

Доретта с Фишей переглянулись. Фиша сделал чуть заметный кивок. Выражение лица Доретты смягчилось. Она подвинулась в сторону, как бы освобождая дорогу,

– Вы бы сразу так и сказали, молодой человек. Присаживайтесь к столу, поговорим... А я-то думала... Ниночка, ты бы сменила кофточку да пришла к столу...

Нина молчала, стоя неподвижно, как столб. Вдруг она громко вскрикнула, зарыдала и кинулась вон из комнаты. Хлопнула крылечная дверь, фигура Нины промелькнула под окном.

– Куда она в одном платьишке-то! – воскликнула Федора.

Юра бросился вслед за Ниной.

Вечерняя улица была пустынна. Юра пробежал переулком – Нины нет. Ни на реке, ни на лесной дороге он её не заметил. Что же делать? Запыхавшийся, встревоженный, он влетел без стука в комнату для приезжающих.

– Дмитрий Иванович! Что делать? Нина исчезла...

Глава двенадцатая

БОЛЕЗНЬ КОНЧАЕТСЯ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕМ

1

Как она попала на Крутую Веретию, почти босая, в легком ситцевом платьишке, Нина и сама не понимала. Посреди поселка она, обессилев, упала в снег, и её подобрала случайно

проходившие рабочие. Макора ахнула, узнав Нину. Она велела отнести девушку к себе, сейчас же послала за фельдшерницей и позвонила в Сузём, чтобы привезли врача. К счастью, руки и ноги оказались обмороженными не сильно, их растерли снегом, смазали гусиным салом. Уложили Нину в кровать, заставили выпить горячего чаю с мёдом. Она долго не могла настоящему прийти в себя, теряла сознание, бредила. У неё начался жар. Приехавший врач сказал, что простуда не очень сильная, легкие чистые, возможно, обойдется благополучно, но неплохо бы обратиться к невропатологу. А пока надо дать девушке покой, стараться ничем не тревожить её.

Целую неделю Макора не отходила от Нины. Юра каждый вечер после работы на попутной машине мчался на Крутую Веретию. Там сидел в маленькой Макариной комнате один – к Нине его не пускали. Долгими казались Юре эти вечерние часы. Он не знал, куда себя деть, чем заняться. Чуть появлялась Макора, он в сотый раз выспрашивал у неё, что сказал врач, ловил каждое слово Нины, передаваемое устами Макары. Поведение девушки ему казалось непонятным, нелепым. Хотелось самому с ней поговорить, но как поговоришь, когда не дают даже в дверь заглянуть.

Макора успокаивала Юру, а сама волновалась не меньше его.

Весь Сузём в эти дни был взбудоражен. Сначала пошли разные слухи, быль перемешивалась с вымыслом, и трудно было понять, что произошло. Но когда люди узнали истину, Федоре и Фишке пришлось нелегко. В магазине женщины окружили Федору и взяли её в такой оборот, что она, никогда за словами в карман не лазившая, молчала, не смея шевельнуть языком.

– Ты в молчанку не играй, нечего глаза опускать, – наступала Авдотья Петялина, тесня Федору в угол между прилавком и бочкой с треской. – Поглядите, бабы, на эту сузёмскую принцессу. Родную дочь довела до горячки...

Тесный магазинчик всё заполнялся и заполнялся покупательницами, уж трудно становилось протиснуться к прилавку. Продавщица взмолилась:

– Да вы бы хоть торговать не мешали, гражданки. Оставьте проход от двери-то...

Женщины пытались расступиться, но из этого ничего не получилось. Прижатая к тресковой бочке, Федора беспомощно хлопала ресницами.

– Я сама не знаю, как это вышло, – лепетала она.

Женщины взорвались.

– Как это так не знаешь! Не увиливай, твоих рук дело...

– Красавцу Фишке дочь пожертвовала...

– Чуть не загубила девку...

Авдотья Петялина взобралась на бочку и ораторствовала, словно с трибуны.

– Нельзя этого, гражданки-женщины, так оставлять. Эта что же такое получается? Платонидины корешки живы остались и ростки ядовитые дают. Примирись с ними, они хуже осота разрастутся, житья не будет. Помните, Гришу Фереферова квасниковой водичкой в чухотку вогнали, Семена Бычихина гирей окрестили и вместо купели в пруд сунули. Теперь опять безобразничать начинают.

Она нагнулась, взяла Федору за Плечи и повернула её лицом к людям.

– Не прячься от народа. От него не спрячешься. Кайся!..

Федора вдруг кинулась на колени и сквозь рыдания заговорила:

– Простите меня, граждане... Виновата, виновата я... Боялась, что его потеряю... Думала, ничего плохого нет... Богу молятся...

– К ответу их, богомолков, вот что! – бушевала Авдотья. – Пойду к Макаре Тихоновне.

Пусть собрание созовут... Нечего на их проделки глаза закрывать, этих фишек да ефимов... Пошла отсюда! Марш! – скомандовала Петялина, слегка подталкивая Федору в спину. Женщины расступились. Втянув голову в плечи, глядя в пол, проходила Федора по живому коридору к выходу.

Захлопнув дверь магазина, она остановилась, привычным движением вынула из сумки зеркальце и провела помадой по губам. Поправила шапочку, взбила сзади волосы и пошла по поселку, как всегда, стройная, не по годам легкая. Встречный и не подумал бы, что только сейчас она стояла перед женщинами на коленях и рыдала.

Она ничего не поняла. Шла и негодовала про себя. Что они так обрушились? Видать, завидуют. Самим бы такой Фишенька достался, не то заговорили бы. Подумаешь, нашлась экая Дуня-генеральша. Марш!.. К Макоре пойду... Собрание созову... Собирай, ежели хочешь. Ничего ты с меня не возьмешь. Нинка моя дочь, и никому нет дела, как я её воспитываю. Молиться заставила? Так что! И заставлю. И будет молиться... А то пусть и не молится, мне-то ровным счетом наплевать... Вот ещё расстраиваться... И чего она, глупая, убежала? Тот-то, Юрка, свататься пришел. Ничего парень, выходила бы... А она будто одурела, в одном платьишке да на Крутую Веретию... Ну да всё уляжется, вот выздоровеет...

На крыльце стоял Фиша.

– Где была?

– Да в лавку заходила... Ой, бабы там, будь они неладны, напали. Еле отбилась...

Фиша в комнате, не раздеваясь, плюхнулся на стул. Закурил, но колечек, как обычно, не пускал. Нервно грыз мундштук папиросы.

Доретта растерянно уставилась на него.

– А что я хотела тебя спросить, Фишенька... Нам ничего не будет?

Фиша поднял на неё свои свинцовые глаза, усмехнулся.

– В чем же ты провинилась? А свобода совести для чего? Ты этого не знаешь? Велика Федора, да...

Он не закончил поговорки. Сбросил пальто, кинул окурочек в печку.

– Накорми-ка. Проголодался очень.

Сел к столу. Доретта суетливо стала накрывать, вынула из печи кастрюлю с супом, разлила по тарелкам. Аппетит у Фиши оказался добрый, ел быстро, обжигался. Доретта лениво хлебнула несколько раз и задумалась.

– Фишенька, а верно ли люди говорят, что ты сам в бога не веруешь? – неожиданно спросила она.

Фиша поперхнулся. Долго кашлял, вытирая рушником глаза.

– Ты слушай больше бабьей болтовни! – сердито буркнул он. – Я, Федора Васильевна, придерживаюсь пословицы: бог-то бог, да и сам будь не плох. Если уж ты хочешь знать, я тебе скажу: бог для дураков. Понятно? Давай второе...

2

Нина поправлялась. Чтобы не тревожить её нервы, Макора ни слова не говорила с девушкой о случившемся. Разговор на эту тему начала сама Нина.

– Как мне теперь глаза людям показать, Макора Тихоновна? Сама не понимаю, что со мной происходило. Сначала боялась огорчать маму. Думала, пусть, раз ей хочется, буду крепиться, рука не отвалится. Потом этот мамин Фиша принёс Евангелие. Мама попросила почитать. Стала читать, сначала странно было – и слог какой-то особый, и священное... Притчи любопытные, вроде сказок, песни духовные... Читаю, а про себя смеюсь... Ну, а потом в

Ефимову молельню меня затащили... Там Ефим проповеди читает. На первой проповеди меня хвалил, Христовой невестой называл, всем в пример ставил: «Вот, говорит, среди вас есть голубица невинная, кроткая. Она своей верой, богопристойным своим поведением в царство небесное путь устремляет. Следуйте за нею...» Мне тошно, чую, что всё это фальшиво и нелепо, а вырваться отсюда уже не в силах. Будто в силках запуталась. Товарищам в мастерской стыдно в лицо смотреть. По улице идешь, глаза совестно на людей поднимать. Хочется, в клуб пойти, с подругами встретиться, а на душе лихо. Сидишь дома. А Ефим опять в проповеди меня. Получается, что я соблюдаю каноны секты. На работе всё из рук валится, нормы не могу выполнить, брак пошёл. А Ефим белым глазом сверкает, на молениях в меня перстом тычет: «Смотрите, она поступает истинно по-христиански». Сколько раз появлялось желание покончить со всем этим, а сил не хватало. Когда пришел Юра, я испугалась и обрадовалась. И вдруг он сказал, что жениться на мне хочет... Я не помню, что со мной было дальше. Кажется, я сходила с ума... И Ефим и Фишка гнались за мной, страшные, глаза зеленые, ногти крючковатые...

Макора ласково положила ладонь на голову девушки.

– Не надо, Нинок. Не вспоминай. Всё прошло, кончилось. Теперь ты здорова, и тебе нечего бояться...

Нина прижалась к Макариному плечу.

– Я их не боюсь. Теперь я их понимаю. А вот как, Макора Тихоновна, люди-то на меня будут смотреть?... Презирать станут...

– Ну что ты, Нина! Успокойся, ничего такого не случится. Никто тебе и не напомнит того, что было. Мало ли человек споткнется. Если сам он чист и душа у него ясная, случайная ошибка не запянает его. Поправишься, будешь работать... Твои друзья всегда будут с тобой...

– А Юра?

Макора ждала этого вопроса.

– Что Юра! Этот парнище, пока ты болела, терпеливо высидел в соседней комнате. Он, наверно, и сейчас там...

На цыпочках Макора подошла к двери, чуть приоткрыла её.

– Юра, ты тут? Зайди-ка сюда...

На пороге появился Юра с растерянной улыбкой и с кульком мандаринов в руке. Он не сразу нашёлся, как ступить и что сказать. Осторожно шагнул к кровати Нины, неловко положил кулёк на тумбочку.

– Вот это тебе... Здравствуй, Нина, – сказал он, весь красный.

– Здравствуй, Юра. Извини...

Макора вышла на кухню ставить самовар. Когда она вернулась, Юра и Нина мирно беседовали. Нина ела мандарин, сочный, золотистый, словно наполненный солнцем. Глаза у неё блестели, и впервые после болезни она улыбалась светло и счастливо.

– Хватит тебе, Нинуха, валяться в постели. Вставай, поднимайся, рабочий народ! – озорно запела Макора, взяла Юру за чупрун и потянула к двери. – Выйди пока, дай прифрантиться невесте, жених...

В кухне Юра встретил Егора Павловича. Тот снимал заколевшие за день валенки, кричал. Кивнул Юре.

– Сидишь всё? Как там дела-то? Скоро поправится твоя знакомая?

– Не знакомая, Егор Павлович, а невеста...

– Ишь как! Легко у вас, у молодяжек, получается. А у меня, брат, так не выходило... Два-

дцати пяти втюрился, а сорока пяти женился, двадцать годиков в женихах ходил... в Макориных. Ну, что по глупости на Паране женился, то не в счёт...

3

Васька Белый приложил свою огромную рукавицу к шапке, расцвел лицом и громко сказал:

– С законным, значит, браком вас, товарищ уполномоченный!

– Спасибо, – ответил Юра, тоже приложив ладонь к козырьку. – Откуда вам известно о моем браке?

– Эко дело, откуда известно. Ваське Белому всё известно. В поселке-то меня знают, ничего от меня не таят. А вы, товарищ уполномоченный, меня, старика, обманули, собрание-то так и не устроили. А я выступать хотел, конспекту делал...

– Какое собрание? О чем вы, дед?

– Забывчивы вы, молодые. А помнишь, вскоре после вашего приезда я тебя спрашивал у склада? Вы еще в клуб направлялись...

– А, вспомнил! Вы уж извините, Василий Ануфриевич, всё некогда было собранием заниматься...

Васька расчувствовался, его, может быть, впервые назвали полным именем и даже с отчеством.

– Дак почто извиняться, я и подождать могу. Конспекта-та у меня хранится. Макора проверила, говорит: шикарная конспекта. Для областных ораторов будто подходящая. Ну дак что! Не кто другой и составлял, а Васька Белый. Худую разве сделает? Закурить-то у вас, товарищ уполномоченный, найдётся? Угости-ко, – без всякого перехода потребовал он.

Юра пошарил в карманах, папирос не оказалось.

– К сожалению, нет. На обратном пути я вас угощу, дедушка...

– И ладно, не велика беда, нет дак... Я к слову...

Заметив попытку Юры идти, он взял его за пуговицу.

– А что, товарищ уполномоченный, сказывают, твою невесту чуть сектанты эти не изуродовали? Правда это?

– Да, к сожалению, – неохотно ответил Юра нахмурясь.

– От них всякого ждть можно, – доверительно заговорил старик. – Этого Ефимка-то я знаю. Да и Фишка сусед мне, весь в отца своего, Мизгирева. Приемистый, дери его корень... Папашка-то у него был – не клади пальца в рот. Всё с богом да со Христом, всё с крестиками, а как захватит да прищемит – реви не реви, не вывернешься. Олексе Сенькиному, суседу, пуд муки дал однажды взаймы. Отдашь, говорит, к ильину дню. Взял Олекса пуд, думает: до ильина дня далеко, выкручусь. А пришел срок – муки-то и нет. Он слезно молит подождать, папаша Фишкин ни в какую. Олекса – в ноги. Мизгирёв хохочет, говорит: «Хоть сапоги лижи, всё равно скидки не сделаю. Мое слово – олово». Олекса и впрямь сапоги лизать стал. Мизгирев ржёт: «Сними штаны, тогда отсрочу...» Вот какой он был. Сказывают, его прищмили одну пору. Не знаю уж, по кулацкому ли делу или по какому другому, а только угодил он в милицию. Держали сколько-то, следствию вели. И он, понимаешь, вместо того, чтобы открыться им да покаяться, начал милиционера поучать. И так и эдак начал разные богословия высказывать. Да так-то складно, да так-то душевно, чувствительно, что милицию, веришь ли, слеза стала прошибать. Милиционер ершится, начальственность хочет проявлять, а сам незаметно рукавом по глазу шаркает, слезу отгоняет. А тот, Фишкин папашка, примечает, да ещё сладостнее, да речистее, хочет до нутра пронять. И пронял. Втянул милиционера в

свою сектановскую веру. «Креститься будешь ли?» – спрашивает. Тот отвечает: «Милиционерская форма не позволяет». – «Так форму ведь и снять можно». Верь хошь нет, снял милиционер мундир, и окрестил его Фишкин батька в какой-то луже. Хорошо-дородно, закончил, значит, креститель таинство, осенил раздетого крестом, дал ему приложиться и говорит: «Ты теперь крещеный стал, начальник, потому мне не страшен. Ответствуй, веруешь ли?» – Чего остается крещеному! Он прячет глаза да шепчет: «Верую...» А креститель ржет на всю милицию. «Ты веруешь! А я вот не верую! Ни в бога, ни в чёрта...» Что? Думаешь, не было такого?

Васька пронзительно смотрит в Юрину переносицу, всей своей фигурой выражая готовность доказать достоверность и неопровержимость своей басни.

– Думаешь, не было? – повторяет он вопрос устрашающим тоном. И вдруг, опустив Юрину пуговицу, расплывается в улыбке. – Не было ведь, парень...

– Ловко же ты сочиняешь...

– Так не всё сочиняю, – откликается старик. – Хошь и не удалось Фишкиному батьке милиционера в свою веру затащить, а разжалобить всё-таки сумел. Отпустил его милиционер, вот те крест, хоть и остался сам некрещеный. И в милиции иной раз попадают дураки-то...

Юра, получив свободу, спешит избавиться от речистого собеседника, на ходу прощально машет рукой. Васька кричит ему вслед:

– На свадьбу-то позовёшь, товарищ уполномоченный? Что? Ну и ладно, свадьбы я люблю... А ты Фишки этого остерегайся, он ехидный, скользкий, весь в папашу...

Глава тринадцатая **МОЛОДЫЕ, ВПЕРЁД!**

1

– Папа! Папка приехал!

Ребятишки, от мала до велика, кинулись на кухню, где Синяков раздевался, с трудом стаскивая валенки с ног, обмотанных фланелевыми портянками. Они окружили отца живым кольцом и смотрели на него влюблённо, выжидательно, с наивной хитринкой. Семь пар глаз сияли весенней голубизной, пять носов, удивительно похожих на батькин, а два на картофелину сорта «Северная скороспелая», дружно шмыгали, чтобы не уронить достоинство своих владельцев. Семь голов, вихрастых, растрепанных, белых-белых, похожих на отрепок кудели, отражали свет электрической лампочки, свисающей с потолка. И в кухне от этого казалось светлее.

Синяков оделил каждого особенным подарком. Малышу дал конфетку и велел вынуть палец изо рта. Другого наградил еловой шишкой, блестящей чешуйками и пахучей. Третьему достался свилеватый нарост от березы, похожий на черепаху. Тот был доволен тросточкой, этот саблей из березового сука. А для Владика – ах, какой хороший подарок! – тугой голичок обметать валенки. Миша получил то, чего больше всего ждал – осинового плашки, из которых выйдут великолепные лыжи, мечта всех подрастающих спортсменов.

Так мудрёно ли, что все награждённые неотступно следовали за папкой, пока он умылся, смотрел на градусник у оконной рамы, ходил по горнице, разминая ноги. Он – за стол, и они – за стол. Не шумят, не толкаются, каждый знает место, у каждого своя чашка с приметой – золотой ободок, аленький цветочек, занятная виньетка, а то и просто выщербленный

краешек, обליнялы́й рисунок, особая кособочинка, неровное доньшко.

– Как вы жили, мужики? – спрашивает отец со строгой серьезностью.

Отвечают по старшинству. Первенец четверку принес, гордится. Второй штаны порвал, от матери влетело. Третий на санках катался прямо с крутика, не боялся. Четвертого козел боднул. Пятый в детском садике песню выучил, вот. Шестого кошка оцарапала. А седьмой сосет конфетку, ему некогда отвечать, занят человек.

– У нас всё ладно, без драк обходилось. А кому и попало, тот молчит, попало за дело, – говорит мать, – А у тебя-то как, всё ли ладно?

Синяков трет подбородок, морщится.

– Да кто его знает, когда сон в руку бывает. Как он, Егорко Бережной, хочет управляться без людей, уму непостижимо. Сезонников на Крутой Веретии совсем вытеснил, бараки пустые стоят. На механизацию, вишь, надеется. Оно, конечно, механизация у него вроде бы при-тёрлась. Наблюдал всю неделю, ловко действуют. А случись что? Машина закапризничала, ПЭС сдала – что он станет делать? Пока людей подбрасывают да организуют, время-то ушло, план-то и лопнул... Нет, всегда надежнее, ежели народ под руками... Они, не знаешь, без меня здесь не нахозяничали, дров не наломали?

Жена, принарядившаяся к приезду мужа, наверно, первую-минуту за всю неделю сидит именинницей, она пьет чай и ласково смотрит на супруга. Его вопросом очень довольна: ценит, знать, ежели спрашивает. Но в дела лесопункта вмешиваться она не смеет.

– Ты, Феденька, сам погляди. Моё дело женское, чего я понимаю в вашей политике, – скромно отвечает она. – Бережной-то мужик дельный, видать. Его машины слушаются. И с народом он умеет обращаться.

– Умеет, говоришь?

– Так люди говорят. Мне-то по чему судить? Я производством ныне не занимаюсь, на кухне да во дворе много ли увидишь. Только и свету, что в магазин сходишь. От баб больше просвещаешься. От них, правда, уж ничего не укроется. А Бережному и инженер добро помогал, всё подсказывал да учил... Лёгок, гляди-ко, на помине...

За окном мелькнула шапка Дмитрия Ивановича, и через минуту он сам появился на пороге весь в седой изморози.

– О! К самому пиршеству попал, будто знал. Нуте-ка, хозяйюшка, нацедите мне чашечку, да покрепче, да погорячее, надо согреться с дороги дальней.

Ребята, как по команде, сдвинулись, освободив стул. Хозяйка обмахнула его тряпицей, подставила гостю.

– Садитесь, Дмитрий Иванович, выпейте стаканчиков десяток. Мой-то и по двенадцать пьет с морозу. Ну, вы помоложе, вам на два стакана меньше, – шутливо-радушно угощала она.

– Выпью, Вера Никитишна, и двенадцать, пожалуй. Следует старших догонять, – в тон хозяйке ответил гость, присаживаясь к столу.

– Не догнать тебе, Дмитрий Иванович, нет, – откликнулся и Синяков. – Видишь, сколько у меня помощников-то!

– Тут ещё всё впереди, Фёдор Иванович. Как знать, может, и потягаемся... Ну, граждане Синяковы, принимайте подарки.

Дмитрий Иванович стал выкладывать на стол из карманов конфеты, грецкие орехи, печенье.

– У тебя там не карман, инженер, а настоящий орс, – захохотал Синяков. – Говорили, что у попа бездонные карманы, а ты, того и гляди, перещеголял попа...

Ребята чинно ждали, когда будет распределено лакомое угощение. Дмитрий Иванович щедро оделил всех. Забрав гостинцы, они моментально исчезли.

– Давай теперь, Федор Иванович, о деле, – посерьезнел Дмитрий Иванович. – Прошедшая неделя показала, что механизмы и в Сузёме могут действовать сносно. При условии, если на них не глядеть скося.

Он посмотрел на хозяина. Тот сидел, задумчиво рассматривая подстаканник.

– Мы тут без тебя немножко посамоуправничали: сезонников по домам распустили, разгрузочные площадки переоборудовали. Возможно, тут получатся излишние против сметы расходы, ты уж отдувайся как-нибудь, компенсируй. Полагаю, по зарплате будет солидная экономия, с лихвой перекроешь...

Подстаканник, по всей видимости, был очень интересный, потому что хозяин не отрывал от него глаз.

– Отдуваться, говоришь? – тянул он. – Отдуваться-то мне приходится нередко, то уж ладно. Только вот, Дмитрий Иванович, ты уедешь, тебе и горя мало, что тут, на Сузёме, делается. Синякову давать во всём отчет... Я не первый год на производстве, собственным горбом испытал и вывод сделал: на машину надейся, а рабочие руки в запасе имей. Надежнее так-то...

Дмитрий Иванович допил стакан, поблагодарил хозяйку, подсел ближе к Синякову.

– Федор Иванович, я с тобой хочу прямо поговорить, без всякой дипломатии. Ты старый работник, заслуженный. Но у тебя есть серьезный недостаток: ты новые масштабы старыми мерами меряешь. Заскорузлость какая-то в твоей практике, вот беда. Если ты не поймешь, что сейчас механизированный труд пришел на смену ручному, можешь оказаться не у дел.

– Так, так... Понимаю... Синякову деликатно предлагают освободить место...

– Об этом пока речь не идёт. Но она может возникнуть, Федор Иванович... Так что надо, конечно, делать вывод.

Вера Никитишна вздыхала, убирая со стола посуду, поглядывала на супруга, порывалась что-то сказать, но не решалась. Наконец, она не выдержала.

– И бабы то же говорят, Феденька...

Муж не удостоил её ответом, встал, походил молча по комнате, посмотрел зачем-то на градусник за окном.

– Раз бабы говорят, то, надо быть, правда...

Лег на кровать и повернулся лицом к стене.

2

Егор не напрасно вспоминал свои лыжи. Так захотелось ему потряхнуть стариной, побродить по лесным трущобам с ружьишком, что не утерпел, заказал с попутчиком привезти старые осинового цвета самоходы. И вот они снова в Егоровых руках, неуклюжие, смешные на вид, зато легкие и на ходьбе сноровистые. Юра от души хохочет, глядя на этот первобытный снаряд. Егор нарочито сердится:

– Ты погоди, орёл, издеваться-то! Пойдем в лес, поглядишь, чья возьмет. Твои щегольские спортивные и держать-то тебя не будут на рыхлом лесном снегу, заревешь с ними, помяни меня...

– Помяну, помяну, Егор Павлович, когда вы отстанете и потеряете мой след...

Егор молчит, привязывая к носкам своих легкоступов длинные веревочки. В ватнике, подпоясанном солдатским ремнем, с ружьем за плечами, он выглядит ещё молодо не по летам. Встает на лыжи бодро, скользит легко, без палок, держа в руке верёвочки. Юра ирони-

чески посматривает на него, не спеша закрепляет свои лыжи, берёт палки и упругим шагом пускается вдогонку. Настигает быстро и обгоняет, издали помахав рукой. Егор невозмутим. Он шествует ровно и важно, похожий на богатыря в доспехах, потому что стеганый ватник облегает его широкую грудь и спину, будто пластинчатый панцирь. Юра, балуясь, делает вокруг него петли, озорно кричит:

– Егор Павлович! Я вас, как серого волка, обкладываю...

– Смотри, чтобы не слопал тебя серый волк...

Миновали вырубку, перешли просеку, углубились в нетронутые дебри сузёмских лесов. Юру охватило особое чувство восторженной взволнованности, какое всегда испытываешь, входя в девственную тайгу. Стояла удивительная тишина, при которой чуткое ухо легко улавливает мягкий треск почему-то вдруг отломившегося сучка, шуршанье снежного комочка, падающего с ели, веселый цокот белочки на сосне, с любопытством посматривающей черными бисеринками глаз на охотника. Егор вскинул ружьё.

– Егор Павлович, не надо, – умоляюще зашептал Юра, ухватив спутника за локоть.

– Ты чего? – удивился Егор, опуская ружье. – Сбил меня...

– Не стреляйте, Егор Павлович, видите, какая она изящная, беззаботная.

Белочка, почуяв опасность, замерла, прильнула к сосне, но скоро успокоилась, решила закончить шелушение шишки, которую держала в лапках. Юра смотрел на неё не дыша. Егор поглядывал на Юру с добродушной насмешливостью. Белка кинула пустую шишку и с удивительной легкостью бесшумно прыгнула на соседнюю сосну.

– Ну, пойдем, охотник, – сказал Егор. – Так мы с тобой, пожалуй, домой вернёмся с большой добычей...

– Да уж ладно, Егор Павлович, зачем она вам, добыча...

Егор хмыкнул, закинул за плечи ружье, скользнул в овраг. Юра со смехом за ним. Долго ходили они, пересекая снежные поляны, огибая валежник, продираясь чащобой, спускаясь на лесные речушки, застылые, запорошенные снегом, неведь откуда и куда бегущие немислимыми зигзагами. Утомились. Близ озера устроили привал. Развели костер. Юра старательно подтаскивал сушняк, разрубал и подбрасывал на костер. Получалось это у него не очень ловко, неумело. Егор с усмешкой посматривал на Юрины хлопоты.

– Всё ещё в тебе городская струнка чувствуется, Юра...

– Как это? – удивился тот.

– Не очень ты к лесной жизни-то приспособлен... Вишь, и на костер как накидал, погасишь, пожалуй...

Егор по-своему уложил дрова. Огонь, будто только этого и ждал, вспыхнул ярко и весело.

– Вот видишь, всему своя наука требуется, – заключил довольный Егор. И чтобы не очень обидеть Юру, добавил: – Вообще-то ты, парень, ничего, прижился к лесу...

– Прижился, как видишь, Егор Павлович, – весело откликнулся Юра, вынимая из сумки съестные припасы, раскладывая их на чистом насту, как на скатерти. – Лесником, наверно, буду... А то ещё, чего доброго, поэтом сделаюсь с помощью Макоры Тихоновны....

– Это почему? – удивился Егор.

– Так она ж меня к месту пристроила – обучать лесных поэтов. Читаю я их стихи, читаю – и сам в рифму говорить начинаю. Вот как!

Егор задумался, покусывая ус. Смотрел вдаль, за озеро.

– Правда, у нас место такое, – серьезно сказал он. – Мы-то что, прижились, одно знаем – план выполнять да иной раз с ружьишком сходишь, побалуешься, только и развлечения. А

который человек душевный, тому экие просторы очень даже привлекательны. Говорят, писатель Пришвин по нашим краям как-то проезжал, и то очень хвалил. Ну, он и от себя прибавил, не всё так описал, как есть, но всё равно чувствительно и за сердце задевает...

Егор Павлович приумолк, и Юра с удивлением увидел, взглянув на него, широкую улыбку.

– Племянничек-то мой, нынешний главный инженер, тоже ведь стишками баловался, – снова заговорил Егор. – Ладные вроде выходили. Сидит будто так же над озером и о чём-то таком задушевном мечтает. Всё складно, строчка в строчку, забористо...

У Юры округлились глаза.

– Неужели?

– А чего мудреного. Он у нас способный на писанье-то. Поговори-ко с ним. У! Он тебе наскажет всякого и про рифму, и про ритму, и ещё про какую-то метафору. Не знаю, живность это какая или растение, а только он часто её вспоминал. Бывало, скажешь ему: «Худые у тебя, Митяш, стишки, заумственные». А он осердится. «Ты, говорит, ничего не понимаешь. Это метафора». Ну, что ему ответить? Коли метафора, так ладно, шут с ней... Это когда он ещё школьником был. Старше-то стал, уж не показывал стихов. Стеснялся, видно... Только однажды от его метафоры и мне влетело. Было дело....

– Вам?

– Лично мне. Отдубасил он меня через свой киноаппарат. И в рифму, со звоном. Тогда-то я рассердился малость. А потом понял, что это справедливая метафора... Соображать стал, что и стихоплёты полезными могут быть. А Макора страсть любит стихи.

Упавшее было пламя снова поднялось... На белый наст посыпались хлопья взметнувшегося вместе с дымом серого пепла.

– Не пора ли нам в путь-дорогу, друг? – сказал Егор Павлович и стал, побрякивая, подниматься. – Я по ельнику пройду, низом, а ты по старой лыжнице ступай, чтобы не заблудиться...

– Почему не вместе?

– А потому, ты мне охотиться мешаешь. Что я – зря, что ли, эку даль колесил?

Увидев, что Юра по-детски надул губы, Егор Павлович добавил:

– Ты не обижайся. Белка-то для тебя, может, и метафора, а для меня она ценная пушнина...

Большой, грузный на своих неуклюжих лыжах, он зашагал к сизой стене ельника, резко выделяющейся на склоне холма.

3

К концу квартала выяснилось, что план не вытянуть, немного, самую малость, а всё же таки не вытянуть. И тогда по старой привычке Синяков объявил аврал. Послали на рубку леса дорожников, уборщиц общежитий, домашних хозяек в поселках. Начальник лесопункта приказал закрыть на время бани и прачечные, вывести в лес всех конторских служащих, послать в делянки рабочих из механических мастерских. И тут он столкнулся с новым технурком. Егор остановить работу мастерских наотрез отказался.

– Не дело, Федор Иванович, – сказал он. – У них и так ремонт машин отстает от графика.

– Ничего что отстает, наверстают. Пусть недельку на лесосеке порезвятся, здоровее будут, – возразил Синяков. – Завтра всем выйти в лес. Понятно?

– Непонятно, начальник. Механизаторы из мастерской никуда не выйдут, – уперся Бережной.

– Это кто же здесь, выходит, начальник – я или ты? – взъелся Синяков.

Егор, усмехнувшись, разгладил усы и сказал спокойным, ровным голосом:

– Начальник ты, товарищ Синяков, а механизаторы будут работать в мастерской...

Синяков хлопнул дверью и, заплетаясь в полах своей бекеши, помчался вдоль по улице поселка. «Куда он, в мастерские?» – забеспокоился Егор. Он позвонил в мастерские. Там ответили, что не было начальника лесопункта, не заходил. Егор сказал, чтобы на аврал не выходил ни один слесарь, чтоб все занимались своим прямым делом.

Весь день Синяков не появлялся в конторе. Егор звонил на участки, там тоже никто не видал начальника. А он, обойдя механические мастерские стороной, пришел домой расстроенный, возбужденный. На ребят прикрикнул, что не часто с ним случалось, на робкий вопрос жены: «Что случилось?» – не ответил. Сел к окну и так просидел чуть не до вечера, скребя ногтем ледяные узоры на стекле. Вера Никитишна бесшумно ходила по комнате, посматривая на мужа и не решаясь с ним заговорить. Наконец не выдержала, подошла, тихонько положила ладони на мужние плечи.

– Ты бы сказал, Феденька, что у тебя стряслось.

Муж отозвался не сразу. Он еще посидел так, опустив голову, чувствуя тепло жениных ладоней сквозь рубашку.

– Худы мои дела, Веруха... Назначил я Бережного на свою голову. Он, смотри-ко ты, со мной совсем не считается. Я отдаю приказ – он его отменяет... Нет, он ещё узнает, что Синяков чего-нибудь да стоит...

Жена с трудом добралась до сути дела, а когда поняла, в чем заключалась их распря, сказала:

– Ты, Феденька, на меня не сердись, а только я тебе скажу, что на Бережного обижаться-то тебе не надо...

– Как так не надо! – подскочил Синяков.

– Да ты успокойся, не взвинчивай себя, тебе вредно, – ворковала жена. – Бережной худого не сделает...

От ласковых уговоров жены Синяков остыл, постепенно отошел, успокоился. И хотя до последних дней месяца он всё косился на Егора, однако в душе начинал упрекать себя за горькость. Что ни говори, а Бережной оказался прав. Хоть и с трудом, а квартальный план всё же доконали. Это добро. Но добро и то, что машины, отремонтированные механизаторами, с первых дней нового квартала вышли на трассу. Пока держится зимняя дорога, они немало вывезут кубариков. Так-то, мил-друг Федор Иванович, выходит, и впрямь Бережной лил воду на твою мельницу.

Ох, не последний раз сталкивались Бережной с Синяковым – и на производстве, и в быту, и в политике, и в разных житейских мелочах бывали стычки и немалые, но странное дело, Синяков кипятился, лез на рожон, а в конце концов сникал, увядал и в душе чувствовал себя виноватым перед спокойным, невозмутимым, посмеивающимся в усы Бережным. Раз Егор сказал Синякову, что две семьи механизаторов из старого, доживающего последние дни барака надо бы переселить в новые, только что построенные домики. Синякову не понравилось вмешательство технорука в чужую, как он считал, сферу действия.

– Ты меня не учи. Сам знаю, кого куда вселять...

Бережной не шевельнул бровью.

– Много вас, учителей, находится, – проворчал Синяков уже без прежнего пыла.

Егор углубился в какой-то чертёж и будто не слышал слов начальника. Синяков хмурился, перекладывая бесцельно бумажки на столе, исподлобья взглядывал на неподвижного

Егора, что-то шептал про себя.

Вдруг он захохотал мелко-мелко и безудержно.

– Ты что? – удивился Бережной.

– Да ведь как поворачивается-то... ты понимаешь? – проговорил он, с трудом гася смех. – Бывало я тебя учил, на ум наставлял... не знаю уж доходило ли тогда до тебя... А нынче ты мне дохнуть не даешь, жизни обучаешь... Чёрт её знает, поздновата уж, верно, мне эта «академия», горбатого могила исправит... говорят.

– А ты не горбаться, Федор Иванович.

Синяков развел руками.

– Сговорились вы, что ли? Мне и женка то же самое твердит: не горбаться. А я, брат, не умею – скрючусь и выпирает горбина, хоть ты что...

Стычки продолжались и дальше, но Бережной к ним относился с бесстрастностью природорожного камня-валуна. Синякову и верно приходилось, хочешь не хочешь, притираться.

4

И опять пришли весна. Она хлынула в чащи Сузёма таким светом, что он, казалось, густой и льётся, льётся из надоблачных просторов, разбавленный сияющей синью, расцвеченный солнечными бликами. Лес ожил, потерял былую зимнюю хмурость, зашумел по-новому, беспокойно и радостно.

Ещё в делянках гудели электропилы, рокотали на трассах тяжело нагруженные тракторы, вторя им, завывали на подъемах лесовозные автомобили – лесники спешили использовать недолгий срок, оставшийся для зимнего пути. И даже ночью не смолкал этот привычный рабочий гул. Надо бы Сузёму успехом встретить конец сезона. Удастся ли? Всё зависит от людей...

А что же это сегодня в вечеру так много нарядных людей появилось на улицах поселка? И куда они спешат? Как куда – в клуб! Там сегодня именины, большое всесузёмное торжество.

Клуб по-праздничному наряден: новые плакаты на стенах, новый занавес, новые диваны с откидными сиденьями. Диваны смастерила молодежь в неурочное время под руководством Ивана Ивановича. Так привелось, что обновляет их старый мастер в день, когда сам расстается с лесопунктом Сузём. Пенсия давно уж заслужена, надо бы идти на покой, а он всё продолжал работать, не в силах расстаться с любимым делом. И вот сегодня он именинник – стукнуло семьдесят. Завтра уже не пойдёт в делянку. Грустно старику и в то же время радостно, потому что вон сколько народу пришло провожать его на заслуженный покой – полный зал.

На сколоченных из струганых досок диванах разместились, как в заправском театре, хорошо знакомые Ивану Ивановичу люди. Со многими он трудился всю жизнь. Ещё молодыми пришли в делянку, вместе до поту махали топором, дергали, согнувшись в три погибели, двуручную пилу. Было дело – страшились нового, от электропилы бежали, как от чумы, трактору дивились больше, нежели дивились бы чёрту с рогами, кабы объявился он в трупцах Сузёма. А ныне и уходить-то из лесу не хочется: куда ни глянь, всюду машина. Правда, она требует умелого обращения, всё равно, что сноровистая лошадь. Оседлать её надо и повод в руке твёрдо держать. Зато уж как оседлаешь, возьмешь в руки, она, милая, повезет безотказно.

Иван Иванович за думами не заметил, как занавес открылся, кто-то назвал его имя, все захлопали в ладоши. Жена подоткнула его в бок.

– Не уснул ли? Вставай да иди на сцену, тебя приглашают, али не слышишь...

Хромая больше, чем всегда, Иван Иванович не без труда поднялся по лесенке на возвышение, словно в тумане пожал руку Дмитрию Ивановичу, Синякову, Егору Бережному, Макаре Тихоновне, ещё кому-то.

Гремели аплодисменты. Макара взяла старика за плечи, повернула его лицом к публике. Он стоял, опустив руки, растерянный, взволнованный. Свет большой лампы падал ему на лицо. И все увидели, как он стар, морщинист. На щеке проблескивала слеза, а он не ощущал её. А может, и ощущал, да не знал, как от неё избавиться, чтоб незаметно было. Слабость свою не хочется показывать и старику.

Председатель райисполкома, вручая Почетную грамоту, долго тряс Ивану Ивановичу руку. Директор леспромхоза объявил о премии. С трибуны говорили речи. Все желали заслуженному мастеру хорошего отдыха и долгой жизни.

Макара Тихоновна предоставила слово виновнику торжества. Он встал, поклонился низко. Уж без утайки широким платком вытер слёзы.

– Спасибо вам, – сказал тихо, – спасибо за всё. Если я чего и стоил, так ведь только с вами. Без вас-то бы я что... – Он развел руками. – Столько лесу нарубил – в стихах сказано. Верно, нарубил вместе с вами. Вы нарубили, я считал да записывал, да вас иной раз, бывало, поругивал. Случалось, правда?

Взрыв аплодисментов был ему ответом. Улыбка осветила лицо старика. Он постоял, подумал.

– Сколько лесу нарубил... Иные укорят, пожалуй. Есть у нас такие жалостливые. Мол, что вы делаете, красоту земную губите! Всю жизнь я рубил лес и не раскаиваюсь, потому не зря рубил, не для баловства. Хозяйству нашему народному нужен лес? Нужен. Давно ещё Паша Пластинин мне объяснял, что из моей древесины выделывают. Вот рубашка на мне, и она, всё возможно, из той самой сосны, которую мы с Егором Бережным прошлым летом на Крутой Веретии свалили. Помнишь, Егор?

Егор Павлович откликнулся:

– Это не из той. Та как раз ушла на бумагу для адресов, которые тебе сейчас вручали.

– Может быть, – согласился Иван Иванович под дружный смех зала. – Из другой, выходит, сосны рубаха-та. Так худо ли? Для экой красоты не жалко и свались лесину...

Он подумал, посмотрел на грамоту, зажатую в руке.

– Вот нынче я ухожу на покой. А уходить не хочется, право слово. Жизнь-то настоящему начинает раскрываться... Вам, кто в поре, какое раздолье, простор-то какой! Хочется вам сказать: «Молодые, вперёд!» Эх, кабы не старость.

Он махнул рукой, поклонился сперва залу, потом президиуму и пошел к своей старухе, оглушенный аплодисментами.

В газетных отчетах о торжествах пишут: «После официальной части состоялся большой концерт». Так вот, большой концерт состоялся и в клубе лесопункта Сузём. Был хор, была декламация, были физкультурные номера. Гремела музыка. За пианино сидела Нина. А Юра Лычков вел конференс, неплохо вёл, весело и остроумно. В концерте не участвовала только Пчёлка, её уже не было в Сузёме. Она уехала в Ленинград.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Часть вторая

Часть третья

Георгий Иванович Суфтин

МАКОРИН ЖЕНИХ

Редактор *В.К. Лиханова.*

Оформление художника *С.А. Киреева.*

Художественный редактор *В.С. Вежливцев.*

Технический редактор *Н.Б. Буйновская.*

Корректоры *Н.К. Галкина, А.А. Фонтейнес.*

OCR – Андрей из Архангельска

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, пр. П. Виноградова, 49.

Типография им Склепина,
Архангельск, набережная В.И. Ленина, 86.